

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«Оренбургский государственный институт
менеджмента»

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
СОВРЕМЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
ОТРАСЛЕВЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
СИСТЕМ**

ОТЧЕТ ПО НИР
аспирантов и молодых ученых

Оренбург, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

	ВВЕДЕНИЕ	3
1.	Боков В.В., Тесленко И.Б. Трансформация институциональной инфраструктуры социально-экономических систем	4
2.	Боков В.В., Тесленко И.Б. Тенденции динамики институциональных преобразований в Российской Федерации	24
3.	Ишимбаев Р.Н. Модификация отношений конкуренции в информационной экономике	37
4.	Моргунов В.П. Управление развитием человеческого капитала в условиях становления в России экономики, основанной на знаниях	50

ВВЕДЕНИЕ

ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный институт менеджмента» является некоммерческой организацией, созданной для достижения образовательных, научных, социальных, культурных и управленческих целей, в целях удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан в образовании, а также иных целях, направленных на достижение общественных благ. Требования, предусмотренные лицензией, в части качественного профессорского – преподавательского состава, обеспеченности обязательной учебно-методической литературой и иными библиотечно-информационными ресурсами, институтом выдерживаются.

Высокий уровень подготовки специалистов в институте обеспечен тесной связью образовательного процесса и научных исследований. Создана достаточно эффективная единая научно-образовательная система на базе интеграции базовых предприятий и организаций региона.

Сохраняя и развивая лучшие традиции отечественного образования, сочетая интегрированную систему подготовки специалистов и инновационные научно-образовательные технологии, за последние несколько лет Оренбургский государственный институт менеджмента превратился в научно-образовательный комплекс. В настоящее время в ОГИМ активно развивается инфраструктура, обеспечивающая эффективную научно-исследовательскую и инновационную деятельность. Основные направления исследований в институте соответствуют Приоритетным направлениям развития науки и техники в РФ, и направлены на решение актуальных научно-технических задач и экономики региона, в связи с чем ряд из исследований имеют схожую тематику и проблематику, поскольку осуществляются по заявкам региональных органов управления и градообразующих предприятий.

Профессорско-преподавательский состав, соискатели и аспиранты постоянно участвуют в научных конференциях, семинарах, конкурсах и федеральных программах. Проводимые в Оренбургском государственном институте менеджмента исследования сосредоточены на основных задачах инновационного развития института. Аспиранты и соискатели являются исполнителями по НИР и ОКР по договорам, заключенным с учреждениями и организациями.

Научные сообщения аспирантов и соискателей ежегодно включаются в программы Всероссийских, региональных и т.д. конференций, семинаров и симпозиумов.

Боков В.В., Тесленко И.Б.
ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ
ИНФРАСТРУКТУРЫ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Так случилось, что 80-90-е годы прошлого XX века стал для многих экономик мира этапом трансформации. Все они отличались между собой по интенсивности, точкам приложения, целям, различиям в уровне институциональной подготовки, культурным, историческим и национальным особенностям, политической ситуации, политическим курсу и воле, потенциалу ресурсов и многого другого. В результате на сегодняшний день мы имеем различные результаты завершившихся или кое-где ещё продолжающихся трансформационных изменений. При этом они значительно отличаются по такому условному и трудно определяемому, но безусловно осязаемому и существующему понятию как «цена реформ».

В сегодняшних реалиях трансформировать экономическую систему только с позиций классической «чистой» экономики, уже невозможно, ибо совокупность социальных факторов (образование, национальные, культурные особенности и др.) накладывают серьёзный отпечаток и определяют результативность и общественную эффективность трансформирования социально-экономической системы в целом. И примеры Японии, Китая, Германии убедительно свидетельствуют об этом.

По словам Д. Львова, «общество, возникает там, где имеются условия для проявления большинством населения социальных, культурных, политических, коммуникативных качеств, без которых невозможно определить человека как феномен существующего мира, что многообразие человеческого опыта возможно только как компромисс всех сторон его существования, что экономические ценности конструктивны и благодетельны лишь в границах, налагаемых требованиями реализации культурных, религиозных, политических и т.п. ценностей. Неэкономические ценности нуждаются при своем осуществлении в поддержке со стороны экономических ценностей, так же как последние нуждаются в поддержке со стороны неэкономических ценностей» [1].

Исходя из таких представлений, экономика упорядочивается при помощи формальных и неформальных правил, составляющих основу институциональной среды. Соответственно результат преобразований будет зависеть от преобразующей институциональной среды.

Институциональную среду следует рассматривать как некую совокупность взаимодействующих функционирующих институтов, в числе

которых: экономические институты (институт собственности, институциональная основа механизмов ценообразования и конкуренции); социальные институты (институты взаимодействия власти и общества, начальника и подчиненного, традиции и специфика отношения к труду, управления, неформальных взаимодействий и др.); духовные институты (особенности национального характера, культурной традиции, уровень нравственности, психологические, идеологические аспекты, патриотизм и прочее).

Поэтому существует правомерное мнение о том, что именно институциональной среде принадлежит ключевая роль в определении характера рыночных отношений. По определению Е. Попова и В. Лесных «институциональная среда образует механизм саморегуляции, который обеспечивает поддержание равновесия системы вокруг определенных заданных макроэкономических параметров» [2]. Поэтому уровень развития институционального окружения определяет уровень развития цивилизованности рынка, поступательность развития экономики в целом, темпов протекания процессов модернизации и трансформации.

Институциональная среда представляет собой многоуровневую структуру, верхний уровень которой состоит из совокупности формальных правил (нормы, законы, принятые правила), средний уровень представлен неформальными правилами (социальные правила - неписанные кодексы чести, доверия, репутация в группе, коллективе, социуме), а низкий состоит из культурных традиций и ценностей, на которые базируются неформальные правила (привычки, обычаи, традиции и т.д.). При этом неформальные правила больше свойственны неформальным образованиям, общественным организациям гражданского общества, представителям и объектам бизнес-сообщества, домохозяйствам, а формальные правила - государству и его структурам.

Институциональная среда во многом определяется уровнем развития самого общества. В. Мау, исходя из этого критерия, выделяет институты, важные для устойчивого функционирования экономики, характерные для развитого общества, обеспечивающие решение задач догоняющего развития [2].

В результате сущностный аспект институтов заключается в отражении особенностей сложившейся в социуме системы экономических отношений и интересов. Для реализации интереса, ему следует придать характер институционального наполнения и структурирования, то есть наполнить соответствующими нормами и сформировать механизм алгоритмов реализации экономических действий. Институты во многом определяют эффективность деятельности экономических организаций. В случае если организации действуют эффективно, то институциональные контенты выстроили определенную систему стимулирования, направленную именно на

такую деятельность [3].

Эволюция экономических системы и отношений логично приводит к эволюции институтов и самой институциональной среды, но, наряду с этим, это процесс взаимообратный: изменение в институциональном ландшафте будет означать непрерывную трансформацию и экономических отношений и экономической системы в целом. Более того, от динамики институциональной среды зависит темпы прохождения процессов социально-экономических трансформаций. Следует согласиться с С. Цирель, что запланированный экономический рост определяется результативностью институциональных реформ и, наоборот, их успешность зависит от экономического роста [4].

Д. Норт предложил модель институциональных изменений, логика которой заключается в следующем: изменения в знаниях, технологиях, демографии ведут к изменениям цен на ресурсы различного рода, что вызывает у владельцев ресурсов стимулы к трансформации прав собственности на них, появление правил, которые направлены на максимизацию ценности использования соответствующих прав. Однако трансакционные издержки на политическом рынке не позволяют реализовать все возможные институциональные трансформации [5].

На практике наблюдаются явления, суть которых заключается в том, что внешние факторы изменяются в одной сфере и при этом не вызывают институциональных изменений, которые могут проявиться в другой сфере, то есть затраты принадлежат одной сфере, а эффект наблюдается совершенно в другой. На наш взгляд, в этом проявляются важность внутренних факторов, которые во многом определяют вектор развития ситуации в худшую или благоприятную сторону.

Авторитарные системы гораздо чаще создают неэффективные институциональные среды, и уж, по крайней мере, их частота гораздо выше, нежели в демократических социумах. Хотя теоретически следовало бы предположить, что любые институциональные изменения должны иметь вектор, направленный на повышение эффективности хозяйствующих субъектов и институтов.

Д. Норт писал, что «институты не обязательно создаются для того, чтобы быть социально эффективными; институты или, по крайней мере, формальные правила, создаются скорее для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил. В тех государствах, где власть не контролируется обществом, институциональные системы не смогли обеспечить для большинства граждан высокого уровня жизни, реальных гражданских прав и свобод. В этих странах руководители поощряют скорее деятельность по перераспределению, чем по производству материальных благ, формируют скорее монополии, чем конкурентную среду, и скорее ограничивают, чем расширяют выбор. Они редко

стимулируют инвестиции в образование, которые повышают производительность. Организации, развивающиеся в этих институциональных рамках, становятся все более эффективными, но только эффективными в снижении общей продуктивности общества и в развитии базовой институциональной структуры, еще менее благоприятной для продуктивной деятельности» [6].

При этом низкоэффективные институциональные изменения пытаются удержать сложившуюся систему отношений, тормозят радикальные изменения, позволяя правящей элите нарушать действующие нормы законодательства и ни в коей мере не разрешать этого остальному населению.

Напротив, эффективные институциональные системы формируются, как правило, при демократических режимах, характеризующихся в том числе контролем за деятельностью власти со стороны гражданского общества. Принято считать, что в этом случае системы более динамично развиваются; изменяются в направлении поощрения экономического роста, повышения благосостояния населения, поддержки и расширения прав человека.

При этом важно, какие институты, организации и слои населения рассматриваются в качестве субъектов осуществляемых преобразований.

Логично в роли создателя эффективной институциональной среды считать государство. Но зачастую государство само является нарушителем им же самим установленных норм, ориентируясь на неформальные нормы. В этой связи деятельность государств по созданию эффективной институциональной среды должна контролироваться со стороны других субъектов, в роли которых могут выступать фирмы, домохозяйства и некоммерческие организации, то есть то, что мы называем гражданское общество.

Кроме того, реформы будут успешными, если имеются четкие цели и твердая воля по воплощению выбранного курса трансформаций, которые отражают объективные потребности современного этапа экономического и социального развития, но в то же самое время должны быть нацелены на будущее с учетом того, что институты влияют на экономическую динамику на всех стадиях воспроизводства.

В целом результат трансформаций социально-экономических систем зависит от следующих условий: чьим целям и интересам служат реформы; какова политический вес и значение основных социальных групп; каково качество существующих, вновь создаваемых и трансформирующихся институтов.

Законодательно-правовые ограничения, нормативные регламенты, обычаи и традиции лежат в основе формирования долговременных рутинизированных (о рутинных речь еще впереди) схем поведения. Именно это определяет медленное и неспонтанное трансформирование институтов. И готовность общества к трансформациям является лимитирующим фактором

изменений форм институтов и самой институциональной среды. Выявлением сущности рутин в экономической науке занимался Д. Ходжсон [7]. Исследования подобного рода рутин нашли отражение и в исследованиях российских ученых, в частности, М. Скаржинского [8].

Обобщая научные разработки темы рутин, следует признать, что рутина - это некий алгоритм, программа, шаблон, который характерен для всех элементов социума, будь то: хозяйствующие субъекты, экономические системы в целом, гражданское общество. Рутинные свойства приобретают как формальные, так и неформальные нормы. Экономические интересы на данный момент времени зафиксированы, а потому тоже рутинизированы.

Предложена классификация рутин по функциональному назначению: операционные, то есть те, которые управляются выпуском, ценами, ассортиментом; инвестиционные, которые регулируются размером капитала; поисковые - обеспечивают процессы изменения рутин, т.е. процессы т.н. мутаций.

Изменение положения рутин на рынке хозяйствующие субъекты претерпевают изменения. Скорость этих изменений различна: относительно быстро способны меняться формальные правила, те есть правила, связанные с использованием техники и технологий, и медленнее изменяются неформальные правила - то есть рутины, связанные с культурными традициями, обычаями и т.д. Аналогичная связь наблюдается и между рутинами и инновациями, производные трансформации могут быть как желательными, эффективными, так и нежелательными и неэффективными.

Рутины обладают рядом свойств: в частности, они устойчивы, взаимодополняют друг друга, комбинируются между собой, могут мутировать и трансформироваться, видоизменяться под влиянием инноваций, сами рутины могут инициировать инновацию, а могут и противодействовать ей. При этом инновационные импульсы могут возникать в социально-экономической, организационной, технологической, духовной сферах. В этой связи необходимо предвидеть возможную реакцию рутин на инновации, тщательно анализируя последствия каждого нововведения и механизма его адаптации в существующую среду. Препятствие рутин нововведениям может исключить возникновение неэффективной инновации [9].

Необходимо учитывать и вот какой аспект. Для реализации инновациям требуется определенное время, т.е. между их зарождением и реальным началом действия существует временной разрыв, который отличается по своей продолжительности в зависимости от уровня институциональной системы. Формальные правила меняются быстрее всего, неформальные медленнее. Для изменения последних требуется как больше времени, так и административно-организационных усилий. Для сравнения: чтобы изменить традиции только административных мер явно недостаточно, требуется поддержка широких слоев населения [9].

Итак, экономические преобразования в социуме, в том числе и трансформации мезоуровневых социально-экономических систем, определяются необходимым количеством институтов и их качеством. Следует согласиться с В. Тамбовцевым, что «количество и качество институтов оказывает более значительное воздействие на экономический рост, чем корректная макроэкономическая политика в целом» [10]. При этом отсутствие правил, законов и институтов не позволит в полной мере реализовать даже самую продуманную систему мер макроэкономических трансформаций.

Под действием как внутренних, так и внешних процессов возникает спрос на институты и в целом институциональную структуру и ответная их реакция, при помощи которой происходит становление и формирование механизма функционирования рынка институтов и самой институциональной среды.

С. Пейович дает следующее определение рынков институтов. Итак, «рынки институтов - это процесс, который позволяет индивидам выбирать правила игры в их сообществе. Посредством своих добровольных взаимодействий индивиды оценивают уже существующие правила, определяют и проверяют пригодность новых. Важнейшей функцией этого конкурентного рынка выступает, следовательно, поощрение институциональных инноваций и форм адаптивного поведения» [11].

Значение рынка заключается в том, что именно он, а не принуждение определяет эффективные нормы и правила («невидимая рука рынка» Адама Смита в институциональном прочтении). На этом рынке могут формироваться новые правила и конкретные формы его воплощения, которые будут под воздействием различных факторов изменяться, совершенствоваться, перерождаться в новые формы и т.д.

Разработка и формирование новых социально-экономических институтов требует тщательной предварительной подготовки, в частности, изучения соответствующих потребностей, экономических интересов, их динамики, информационного сопровождения, многочисленных экспериментов, обучения персонала, мер по принуждению к исполнению нормы.

Нужны контролирующие организации, которые могли бы независимо контролировать деятельность новых институтов, требуется разработка соответствующей долгосрочной политики планируемых трансформаций, прогнозирование их последствий и результатов.

Помимо этого при выборе варианта создания того или иного института из множества альтернатив требуется учет совокупности технологических, экономических, организационно-управленческих, культурных особенностей социума, структуры социально-экономической системы и характера взаимодействия общественных элементов.

В этой связи уместно привести определение экономической системы, которую дал А. Аузан. Итак, «экономическая система — это многомерная договоренность (совокупный контракт) хозяйствующих субъектов по поводу достижения и утверждения институциональных формальных и неформальных норм, прав и экономических интересов» [12]. Сущностью вышеупомянутой договоренности является соотношение и трансформационная динамика формальных и неформальных институтов в экономической системе координат.

По этому поводу Р. Капелюшников высказался следующим образом: «Во всех звеньях хозяйственного механизма — на рынке капитала, на рынке труда, в отношениях между предприятиями и государством; между различными; ветвями и уровнями власти — неписанные правила и договоренности преобладают над требованиями законов, условиями контрактов и другими формальными ограничениями». С учетом этого становится понятным, почему процесс механической экстраполяции институтов не всегда является эффективным и результативным.

В частности, эффективной будет определяться та институциональная среда, которая характеризуется следующей совокупностью признаков: соблюдение гарантий прав и свобод личности; динамика и подвижность как реактивность на внешние факторы воздействия, отражающие силу их влияния; общий вектор всех секторов институциональной среды в заинтересованности в инициировании и катализировании демократических процессов в обществе; непротиворечивость, т.е. отсутствие оппортунистических институтов; объективность, т.е. институты порождены условиями существования общества, развитием интересов и экономических отношений в обществе; отработанная автоматическая система замены чиновников, по тем или иным причинам не реализовавшим поставленные задачи; широкий спектр охвата всех социальных групп и отдельных индивидов; прозрачность и доступность всей информации, касающейся вопросов воплощения формальных и неформальных норм и правил; рационализация как соизмерение результатов и затрат как универсального критерия выбора как формальных, так и неформальных институтов; гармонизация индивидуальных и общественных экономических интересов, лежащих в основе возникающих и функционирующих институтов; строгое соблюдение формальных норм и правил; эффективный общественный контроль за реализацией формальных институтов (норм и правил) на основе развития межсекторального партнерства.

Для прогнозирования результата эволюционных трансформаций институтов необходимо знать специфику и силу влияния органов власти и гражданского общества на социум, их экономические интересы и степень их совпадения, а также возможности их сочетания. И только в тех общественных формациях, в которых деятельность гражданского общества

сильнее, там система социально-экономических отношений складывается как горизонтальная, а там, где слабее, государство насаждает вертикальную систему отношений.

Эффективность институциональной среды зависит от многих факторов и, прежде всего, от силы и характера политических институтов. При этом рассматриваемая ситуация актуальна для того уровня социально-экономической системы, в пределах которого рассматривается воздействие факторов. Экономические институты, стимулирующие рост и развитие, возникают в условиях, когда политические институты создают систему соблюдения прав собственности, ограничивают необходимым образом действия властей, не допуская извлечения чрезмерной статусной ренты (коррупции и иных служебных злоупотреблений), обеспечивают социальную базу роста и развития. В этих случаях следует говорить о равновесии институтов на рынке. Совершенно очевидно, что речь идет о динамическом равновесии. Д. Норт в этой связи утверждал, что «институциональное равновесие — это ситуация, при которой в данном соотношении сил игроков контрактных отношений ни один из участников не считает возможным изменять сложившиеся отношения» [13].

Исторически так сложилось, что в России инициатива процесса институционализации и трансформационных ее векторов всегда принадлежала государству, опорой которого, в свою очередь, является институт общественной собственности с опорой на использование соответствующих технологий организации. Основой инноваций составляют государственные интересы, что зачастую и является главной причиной реформаторских неудач. В этот период наблюдается вполне закономерное сужение сферы влияния государства, что еще более усугубляется на фоне ослабления его роли как ведущей силы институциональных трансформаций. Именно в этом кроется причины того, что процессы либерализации и приватизации не сопровождались созданием соответствующих институтов функционирования рынка и защиты прав собственности, что в конечном итоге и стало основанием для множества негативных моментов при проведении таких радикальных реформ.

Почти десять лет понадобилось Российской Федерации, чтобы на практике перейти в конце 90-х годов XX века к приведению в соответствие законодательной базы (читай: институциональной основы) проводимых реформ. На языке институциональной парадигмы речь идет о переходе от концепции частичных реформ А. Пигу (разработка элементов институциональных соглашений, способствующих принятию решений агентами, что приводит к росту эффективности использования ресурсов) к варианту фундаментальных реформ Р.Коуза (спецификация прав собственности, снижение транзакционных издержек и совершенствование конкуренции).

К сожалению, при проведении реформ в России имело место, по

мнению В. Попова, «сокращение государственных расходов и финансовой мощи государства ведет к коллапсу институтов, подавляет экономическую активность и угнетает инвестиции, углубляет социальное неравенство. Государство становится неспособным гарантировать права собственников и исполнение контрактов, поддерживать закон и порядок и противодействовать криминализации» [14].

При этом гражданское общество в России к началу реформ по целому ряду исторических причин не было готово к радикальным изменениям, и не достигло необходимого уровня зрелости. За годы советской власти бизнес подавлялся в зародыше, гражданские инициативы существовали в строго определенных государством пределах.

Государство, инициировав быстрое преобразование институтов в ходе радикальной реформы, по привычке не обеспечило условий для создания и уверенного функционирования новых институтов и возникновения соответствующих организаций, не заручилось поддержкой населения, не нивелировало отрицательные тренды, не нейтрализовало противодействующие силы. Складывалось впечатление, что преобразования институтов проводились не ради повышения качества жизни населения, а ради самих реформ, и основной их целью были доказать внешним кредиторам сам факт создания и наличия рыночных отношений в Российской Федерации, что привело к противоречивым результатам и вызвало большие социальные издержки.

Это обстоятельство особенно ярко прослеживается на становлении рынка прав собственности, который вместе с финансовой системой и институтом приватизации является базовым экономическим институтом и своего рода индикатором трансформаций. В результате права собственности в России оказались размытыми и находились вне рамок правового поля. Вместо того, чтобы привести к усилению прав собственности, приватизация имела прямо противоположные институциональные последствия.

Непродуманность государственных действий по созданию новых институтов естественным образом привело к институциональному вакууму и способствовало разбалансированности практически во всех сферах общества, и на месте необходимых формальных актов появились и широко распространились неформальные и слабо контролируемые государством нормы.

Если за рубежом инициативу создания институтов вместо государства часто берут на себя другие структуры социума — бизнес и некоммерческие организации, то такой практики в России нет. Причем, нет исторически, а не только в истории XX века. В отсутствие государственной воли в реформировании многие институты в нашей стране не действуют (законы не соблюдаются), некоторые институты,

как например, институт банкротства приобретает искаженное значение, отдельные — замораживаются (в области ЖКХ, административного управления государственными и муниципальными органами, сохранение государственных хозяйствующих субъектов), возникают институциональные так называемые «ловушки» то есть «неэффективные, но устойчиво сложившиеся нормы (институты), материальный носитель которых не способен к позитивному развитию» [15], появляются «вредные» институты (в качестве примера М. Скаржинский называет институт «крышевания», который привел к возникновению рынка криминальных услуг [16]).

В последние годы специфической особенностью институциональной среды стало формирование «двойных стандартов» и различных правил рыночной игры для разных групп участников преобразований, что не может не сказываться на скорости проведения трансформаций и тормозит формирование благоприятной институциональной среды, развитие институтов и организаций, стимулирующих экономический рост и развитие. В качестве примера последних можно назвать систему образования, научные учреждения, сфера защиты прав собственности, корпоративное управление, инвестиционная и инновационная деятельность и др.

Системным фактором, крайне негативно воздействующим на состояние институциональных преобразований, является коррупция. Выявлена следующая закономерность: чем больше в социально-экономической системе распространена коррупция, тем меньше (при поддержании прежнего уровня административной дисциплины) остается реальных возможностей для укрепления рыночных институтов и механизмов поддержания конкуренции. Коррупцию следует рассматривать как результат наличия противоречий и слабой правовой защищенности институциональной среды. В такой системе субъекты вынуждены использовать неформальные отношения и экономить на издержках (поиск информации, ведение переговоров, заключение контрактов).

В настоящее время существуют самые разнообразные оценки масштабов коррупции в России, при этом практически все исследователи сходятся во мнении, что в 2000-е годы в стране наблюдался ее рост. Так, по оценке заместителя генерального прокурора РФ А. Буксмана, ее объем составляет около 240 млрд. долл. в год. Ее рост представитель прокуратуры объясняет растущим участием государства в экономике и, соответственно, растущим объемом перераспределяемой ренты.

Есть и другие оценки. Председатель Счетной Палаты Российской Федерации Сергей Степашин отметил, что в 2010 году «мы выявили финансовых нарушений на сумму 580 миллиардов рублей». Фактически, это официальная оценка объема коррупционных проявлений в сфере государственных расходов. В тоже время в 2009 году рынок коррупционный рынок в России международной организацией

Transparency International оценивался в \$300 млрд.

В исследованиях Р. Нуреева структурированы все те институциональные трансформации, с которыми столкнулось общество в ходе российских реформ. К ним относятся: расширение прав (на коммерческую деятельность, право на труд, право частной собственности на средства производства, право на жилье, платное образование и медицина, при этом нет гарантий на доход, занятость, стабильные цены, бесплатное и доступное образование и т.д.); демократизация (множество мнений в средствах массовой информации, возможность граждан к созданию и регистрации всевозможных легитимных ассоциаций, партий, союзов и т.д.); неактуальность и нахождение вне правового поля провозглашенных правовых изменений для большинства граждан; ослабление государственного контроля за воплощением правовых норм и нарушение прав граждан властями (неправовые социальные взаимодействия). К числу которых следует отнести: несвоевременную выплату зарплат, пенсий, пособий, утрату денежных сбережений и т.д. отсюда недоверие к власти; общество не стало полноправным гарантом соблюдения прав и свобод граждан, а также правил игры (для многих ролей поведение окончательно не сформировалось, не определены все правила или на них не всегда можно рассчитывать, увеличение разрыва между ценностными ориентирами и социальными нормами); экстраполирование моделей поведения командно-административных норм в новых условиях: практически полное отсутствие протестного движения при нарушении формальных норм и регламентов; непостоянство правил игры (несовершенство законодательства, доминирование субъективизма при интерпретации правил игры).

Подводя итог, автор пишет, что в целом в институциональном пространстве многое из того, что провозглашено, отсутствует, зато имеется то, что не провозглашалось [17]. Дефекты системы экономических отношений, берущие начало в рутинизированных исторических традициях социально-экономических систем (слабость гражданского общества, недостаточное развитие демократии) сложно исправить процессом трансформаций институтов. Помимо этого важной проблемой становится препятствие формированию социального капитала в России. Понятие «социальный капитал» вошло в научный оборот в конце прошлого века, и мы обязаны этому Д. Коулмэну и Р. Патнэму. Эти исследователи считали, что принятые нормы социальных отношений представляют определенную экономическую ценность, поскольку повышают ее эффективность. Смысл данного понятия заключается в доверии членов общества друг другу, при котором действия каждого с учетом интересов других приносит выгоду всем. Социальный капитал создается, когда государство-обеспечивает действие законов и гарантирует помощь и поддержку попавшим в беду [18].

Долгие годы командно-административной системы существенно

отразились на характер современной российской экономической системы. В частности, одной из ее специфических черт является наличие и сильное влияние рутин. В российском гражданском обществе сохраняются традиционные элементы общности, неприятия крупной частной собственности, коллективизм, пассивность, отчуждение народа от власти; с другой стороны, на уровне государства - стремление к концентрации власти, бюрократизм; на уровне хозяйствующего субъекта - склонность к монополизму, консолидация вокруг лидера, слабая мотивация труда. В рутинных продолжает проследиваться сила властной вертикали в противовес усилиям гражданского общества. Сохранение рутин, перекосы институциональных структур обуславливают разобщенность структурных элементов социума, способствуют выработке сепаратистской стратегии выживания для каждой структуры в отдельности. Поэтому трансформации социально-экономических системах как макроуровня (Россия), так и мезоуровня (регионы Российской Федерации и отраслевые системы) шли и идут медленно и с большими издержками.

Поэтому обязательным элементом реформирования экономической системы должна стать институционализация новых отношений. Относительно данного положения уместно привести мнение французского экономиста М. Алле, что «реальность состоит в том, что экономика рынков неотделима от институциональных рамок, в которых она работает» [19].

Трансформационные изменения требуют институциональных преобразований и, прежде всего, нормотворческих. Опыт радикальной экономической реформы в Российской Федерации показал, что механическое привнесение и насаждение институтов ведет к их отторжению и приводит к большим издержкам. В итоге в институциональной среде становится доминирующими низкоэффективные неправовые и неформальные нормы поведения. При этом с точки зрения институциональной теории постоянство институционального окружения предполагает: стабильность имеющихся структур собственности и правил присвоения результатов труда на протяжении всего периода осуществления стратегически ориентированных реформ; политическую и правовую стабильность; дееспособность и правовую объективность судебной системы; соблюдение контрактов и договорных обязательств.

Отметим, что за последние годы практически ни одно из этих условий реализовать не удалось. Имеет место разноречивость экономических и политических факторов, отсутствует социальная база трансформационного развития институтов, что негативно сказывается на формировании эффективных экономических институтов. Зато используется «двойной стандарт» и различные правила рыночной игры для разных участников. В целом можно говорить о неадекватности

законодательного и организационного обеспечения процессов развития экономических институтов государством и как результат – мы имеем дело с деформацией рыночных отношений.

Уместно будет рассмотреть такие понятия как «экономическое развитие», «трансформация», «модернизация». Большинство исследователей сходятся во мнении, что под экономическим развитием следует понимать целенаправленное изменение вектора экономики, вызванное изменением потребностей экономических субъектов. И. Шумпетер писал, что «развитие – это изменение траектории, по которой осуществляется хозяйственный кругооборот, в отличие от самого кругооборота, представляет собой смещение состояния равновесия, которое возникает стихийно, вызывая проблемы» [20]. В свою очередь, изменение структуры производства предполагает трансформацию форм и способов экономической деятельности, изменение ее целей, появление высокотехнологичных секторов экономики. При этом трансформация как таковая может иметь как эволюционный, так и скачкообразный характер. Трансформационное развитие может быть стихийным, а может быть регулируемым (государством или социумом).

Как отмечает Л.Ф. Гусарова, модернизация — это процесс совершенствования объектов, приведение их в соответствие с новыми требованиями и нормами, техническими условиями, происходящее на основе реализации инновационной политики и освоения результатов научных разработок в целях обеспечения прогрессивных структурных преобразований, повышения конкурентоспособности национальной экономики [21].

Таким образом, экономическое развитие только тогда является таковым, когда оно приводит к положительным изменениям. Для достижения и закрепления положительной динамики необходима трансформация структур, форм и способов деятельности, достижение чего возможно на основе принципиально новой техники и технологии, дополнительных ресурсов, инновационных подходов, новых взглядов к организации и менеджменту на производстве, создания соответствующих институтов и организационных структур. Вместе с тем, всего вышеприведенного может оказаться недостаточно для эффективного функционирования. Как указывает Г. Мюрдаль, «нельзя считать развитием рост, который не сопровождается улучшением положения большинства населения» [22].

И именно под влиянием институционалистов Организацией Объединенных Наций был разработан индекс развития человека, включающий ряд гуманитарных параметров: ожидаемую продолжительность жизни; интегральный показатель уровня образования; уровень жизни в расчете на душу населения и ряд других показателей. Отчасти из-за этого в последнее время к изучению человеческого капитала проявляется все больший интерес, ширится

понимание целесообразности и важности инвестиций в него. Как считает Т. Шульц, «вложения в человеческий капитал становятся важнейшими факторами преобразования экономики, модернизации всех институтов общества. Развитие следует рассматривать не просто как повышение темпов экономического роста, а как инвестиции в человеческий капитал и ликвидацию бедности. В целом экономический процесс трактуется как результат взаимодействия разных факторов развития (как внешних, так и внутренних)» [23].

Определив дефиниционные взаимосвязи, рассмотрим выявленные особенности трансформационных процессов в постсоветской России. Приватизация, либерализация и стабилизация при жестком планировании объема денежной массы являются ключевыми составляющими новой парадигмы развития. Приведем некоторые статистические данные, характеризующие процесс приватизации, который продолжается в нашей стране и по сей день (таблицы 1, 2).

Последствия приватизации следующие. Этот слабо контролируемый государством процесс привел к обогащению ограниченных групп общества, что способствовало сосредоточению всех природных ресурсов страны в руках строго ограниченного круга без учета общественных потребностей.

Создаваемая новая институциональная система, сохраняющиеся элементы старой, не инициировала стимулов к высокоэффективному производству.

Закрепился и усилился перекос в развитии отраслей экономики: большее внимание уделяется добывающим отраслям, что не способствует приданию ей инновационного характера. Среди остальных отраслей экономики предпочтение было за системами непроизводительной сферы. Это послужило динамичному развитию экспортно-ориентированного сырьевого сектора российской экономики при серьезном и нарастающем отставании внутреннего.

Как указывал академик Л. Абалкин, «более чем пятикратное превышение нормы прибыли в экспортно-ориентированном секторе по сравнению с внутренне ориентированным постоянно воспроизводит и углубляет разрыв между ними, приводя к более чем двукратной разнице в интенсивности обновления основных фондов, возможностях привлечения трудовых ресурсов и инвестиций» [24].

При этом государство в условиях реформ не смогло стать инициатором и мерлом большинства институтов общества к трансформациям, к изменениям качества социально-экономического развития систем всех уровней для максимально возможного удовлетворения потребностей индивидов.

Таблица 1 - Распределение приватизированных имущественных комплексов государственных и муниципальных унитарных предприятий

	Число приватизированных имущественных комплексов					
	2005	2010	2011	2012	2013	2014
Всего	491	217	276	228	136	107
в том числе по видам экономической деятельности:						
сельское хозяйство	51	27	34	12	13	10
рыболовство, рыбоводство	1	-	-	-	1	-
полезные ископаемые	2	1	1	1	1	1
прочие производства	1	-	-	1	-	-
производство электроэнергии, газа и воды	13	15	6	13	2	9
строительство	54	17	14	4	12	6
торговля	99	21	30	21	22	12
гостиницы и рестораны	13	2	4	6	4	1
транспорт и связь	45	48	26	14	10	5
финансовая деятельность	2	1	-	1	-	1
недвижимое имущество	62	44	82	66	31	20
государственное управление	23	6	8	5	6	10
образование	2	-	1	1	1	-
здравоохранение	2	5	2	3	-	1
прочие коммунальные	32	9	19	31	13	10

Таблица 2 - Распределение приватизированных имущественных комплексов государственных и муниципальных унитарных предприятий по видам экономической деятельности

	В процентах к итогу					
	2005	2010	2011	2012	2013	2014
Всего	100	100	100	100	100	100
в том числе по видам экономической деятельности:						
сельское хозяйство	10,4	12,4	12,3	5,3	9,6	9,4
рыболовство, рыбоводство	0,2	-	-	-	0,7	-
полезные ископаемые	0,4	0,5	0,4	0,4	0,7	0,9
прочие производства	0,2	-	-	0,4	-	-
производство электроэнергии	2,7	6,9	2,2	5,7	1,5	8,4
строительство	11,0	7,8	5,1	1,8	8,8	5,6
торговля	20,1	9,7	10,9	9,2	16,2	11,2
гостиницы и рестораны	2,7	0,9	1,4	2,6	2,9	0,9
транспорт и связь	9,2	22,1	9,4	6,2	7,4	4,7
финансовая деятельность	0,4	0,5	-	0,4	-	0,9
недвижимое имущество	12,6	20,3	29,7	29,0	22,8	18,7
государственное управление	4,7	2,8	2,9	2,2	4,4	9,4
образование	0,4	-	0,4	0,4	0,7	-
здравоохранение	0,4	2,3	0,7	1,3	-	0,9
прочие коммунальные услуги	6,5	4,1	6,9	13,6	9,6	9,4

По утверждению В. Кушлина и С. Губанова: иностранный опыт же свидетельствует, что «без инициативы государства, организационной и финансовой поддержки с его стороны Франция и Европа в целом до сих пор наверняка не имели бы ни «Конкорда», ни «Аэробуса», ни «Ариана», ни скоростных поездов, ни достигнутого технологического уровня производства США и Японии аэрокосмической и электронно-вычислительной техники, средств связи, интегральных схем и т.д. Эти «большие» проекты стали полюсами притяжения технического и научного прогресса; к которому были привлечены тысячи фирм» [25]. Уместно напомнить, что сеть Интернет и другие инновационные проекты являются результатом значительной государственной поддержки.

При осуществлении реформ не была разработана комплексная, целостная теория перехода российского общества к новой системе хозяйствования, основанной на инновациях, не учитывалась человеческая составляющая трансформации, не были просчитаны ее

результаты и издержки.

Подобного рода спешка может лишь отчасти быть объяснена особенностью текущего политического момента, и в любом случае не могла не сказаться в будущем. Начавшийся в начале XXI века восстановительный экономический рост не отличается особо быстрыми темпами, и, как показала жизнь, не является продолжительным и устойчивым [26].

Состояние иных институтов в России также несет на себе отпечаток прежней социально-экономической системы, и не в полной мере избавилось от негативного наследия и восприняло новейшие институциональные трансформации. Так, уровень независимости судебной системы и эффективности правовой защиты в нашей стране составил 1,0 балл из 3-х возможных. По данным независимых источников, Российская Федерация получила низкие оценки по показателям независимости судебной системы, правовой защиты прав собственности, наличия субъективизма при принятии судебных решений в пользу государственных структур, борьбы с коррупцией и организованной преступностью.

Рейтинги гражданских прав и свобод, такие как Freedom House, глобальной конкурентоспособности World Economic Forum, соблюдения прав акционеров и кредиторов Oxford Analytica, индексов экономической свободы The Heritage Foundation и Dow Jones Co. фонда «Индем», Всемирного экономического форума, Всемирного банка, Transparency International и др.) также дают относительно низкие оценки состоянию гражданского общества и политической системы в нашей стране. При этом отмечается еще и тревожная динамика вышеуказанных показателей. Что касается других направлений макроэкономической политики государства, то следует согласиться с Л. Гохбергом, что «в настоящее время в России не столько сектор науки и технологий тянет вверх всю остальную экономику страны, сколько вся остальная экономика постсоветской России тянет вниз сектор науки и технологий».

За критерий отсталости экономики России С. Губанов предлагает принять почасовую производительность труда или мультипликатор добавленной стоимости. По его данным российский показатель производительности составляет 8,24% американского уровня, величина мультипликатора едва приближается к 1,38, тогда как американский — достигает 12,5, а европейский — и того больше [27].

Совершенно очевидно, что при таких показателях производительности труда невозможно обеспечивать поступательное развитие экономики и качественные изменения уровня жизни россиян. На фоне ухудшения финансовой и политической ситуации в мире ситуация с российской экономикой значительно ухудшилась.

Все приведенные особенности современного этапа развития нашей страны ставят под серьезное сомнение возможности

эффективного и полноценного вхождения Российской Федерации в мировое экономическое пространство (даже выходя за скобки период санкционной и политической конфронтации).

Вместе с тем мировая экономическая система на основе новых знаний и научных достижений в технологиях развивается достаточно динамично. Происходит постепенная замена широко используемой инвестиционной модели производства на инновационную. Инновации становятся основой новой экономики, которая базируется на знаниях («экономика знаний»). В таких условиях возможности экономики Российской Федерации, основанные на сырьевой составляющей, все более сужаются.

Вместе с тем в нашей стране в последние годы стало уделяться более серьезное внимание финансированию инноваций и развитию инфраструктуры. Однако в целом ситуация в России остается непростой: снижение темпов экономического роста и доходности российского фондового рынка, нарастание дефицита бюджета, сокращение Стабилизационного фонда и золотовалютных резервов, пенсионный кризис в сочетании с нестабильностью законодательства, нарастанием административно-бюрократического давления и коррупцией, незащищенными правами собственности, слабой независимостью судебной системы.

Итак, подведем итоги. Скоропалительные преобразования конца прошлого века привели к деиндустриализации, деградации отраслевой структуры экономики и нарушению ее закономерности и научно обоснованно сложившейся системы, падению инновационного потенциала и резкому снижению инвестиционной активности. Непоследовательность и ошибки в осуществлении радикальных реформ, недоучет особенностей предыдущего этапа развития российской экономики привели к пробуксовыванию большинства ключевых направлений реформаторских изменений.

Успехи последних лет недостаточны для масштабной модернизации страны и закрепления имеющихся, а также приобретения новых конкурентоспособных позиций в мировом масштабе.

Проводимый анализ приводит к закономерному выводу о том, что особенности кризиса в отечественной социально-экономической системе, вызванные переходом от командно-административной к рыночной экономике, определили более широкое содержание процессов трансформации. Это в некоторой степени и определили имеющиеся и очевидные на сегодня результаты: в стране не произошло всеобъемлющей модернизации с техническим перевооружением производства; стимулированием инвестиционной и инновационной активности; изменением организационных структур бизнеса, развитием рыночных институтов и вне рыночных структур с целью обеспечения их соответствия интересам экономических субъектов и их согласования. Инновации не стали всеобъемлющими, поскольку не

запрашивают как традиционную экономику, так и правовые, этические, эстетические, моральные, культурные и другие аспекты общественной жизни. Выполнение этих условий позволит создать адекватные цели преобразований институциональной среды, и в целом обеспечить дальнейшее развитие социально-экономических систем, в том числе на уровне отраслей и регионов.

При этом в условиях российской действительности трансформационные изменения предполагают не только изменения технико-технологической и управленческой составляющих, но и в не меньшей степени затрагивают организационно-технические и социально-экономические сферы. Общественные и экономические институты должны оперативно отражать современные реалии, создаваться и трансформироваться сообразно текущему моменту, а методы трансформации должны быть адекватны современному состоянию экономического развития.

Непростая экономическая ситуация, характерная для современного момента в Российской Федерации, во многом усугублена неблагоприятной мировой конъюнктурой на углеводородное сырье, а также совокупностью отрицательных внешнеполитических факторов, но еще раз дополнительно продемонстрировала уже устоявшийся тезис о недостаточном уровне развития экономических институтов в стране. И именно их развитие сегодня является не просто актуальным, но и жизненно необходимым, ибо от научно обоснованного, оперативного, целенаправленного и эффективного совершенствования институциональной составляющей социально-экономической системы зависит продолжительность кризисных явлений в отечественной экономике и степень ее негативных последствий.

При этом существующая институциональная система в Российской Федерации не стимулирует экономическое развитие по инновационному пути, не мотивирует субъекты системы, а, значит, и саму систему, к совершенствованию, что непосредственным образом отражается на присущих современному периоду особенностях перераспределения ресурсов и собственности, доходов и расходов.

Литература

1. Введение в институциональную экономику. Под ред. Д.С. Львова. - М.: Издательство «Экономика», 2005. С. 119-120. <http://www.readywork.ru/works.php>.
2. Мау В. Роль постсоциалистического государства в формировании и эволюции предпринимательства // Общество и экономика. 2005. №7-8. С. 22-53.
3. Кучуков Р., Савка А. Экономическая политика: институциональный подход // Экономист. 2004. №4. С. 15-24.
4. Цирель С. Экономический рост и информационные технологии: компаративистский подход // Вопросы экономики. 2004. №11. С. 92-110.
5. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги

«Начала», 1997// <http://www.vusnet.ru/biblio/nureeekon.zip>.

6. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.:
7. Холджсон Дж. Что такое институты // Вопросы экономики. 2007. №8. С. 28-48.
8. Скаржинский М.И. Выращивание и саморазвитие институтов // Проблемы новой политической экономики. Вестник КГПУ. 2005. №4. С. 10.
9. Фридман Ю.А., Речко Г.Н., Прокудин И.Ю. Некоторые особенности институциональных преобразований в угольной отрасли Кузбасса и их влияние на структуру экономики региона // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2004. № 6.2 (44). С. 133-139.
10. Тамбовцев В. Об экономическом росте и размерах государства // Вопросы экономики. 2003. №6. С. 120.
11. Pejovich S. The Market for Institutions Versus the Strong Hand of the State: the Case of Eastern Europe, in: Bruno Dallago and Luigi Mittone (eds), *Economic Institutions, Markets and Competition*. Cheltenham: Edward Elgar, 1996. P. 111-126// http://www.mirrabort.com/work/work_71411.html
12. Аузан А. Общественный договор и гражданское общество // Новая газета. 2005. №7.
13. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. - М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 111-112.
14. Понов В. Шокотерапия против градуализма: 15 лет спустя // Вопросы экономики. 2007. №5. С. 84, 85.
15. Балацкий Е. Ценовые механизмы эволюции институциональных ловушек // Общество и экономика. 2005. №10-11. С. 140 - 159.
16. Скаржинский М.И. Выращивание и саморазвитие институтов // Проблемы новой политической экономики. Вестник КГПУ. 2005. №4. С. 10.
17. Трансформация экономических институтов в постсоветской России (микроэкономический анализ). Выпуск XIV. Под ред. д.э.н., проф. Р.М. Нуреева. М.: 2000. С. 18. (www.ebdb.ru).
18. Субетто А.И. Социогенетика: системогенетика, общественный интеллект, образовательная генетика и мировое развитие (интегративный синтез). М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов. 1994. 168 с.;
19. Введение в институциональную экономику. Под ред. Д.С. Львова. М.: Экономика, 2005. С. 234 // <http://www.readywork.ru/works.php>.
20. Ольсевич Ю.Я. Мировая экономическая мысль сквозь призму веков. Т. 4. Век глобальных трансформаций. М.: Мысль, 2004. С. 35.
21. Гусарова Любовь Федоровна. Теоретико-методологические основы институциональных преобразований : Дис. д-ра экон.

Наук:08.00.01.,2004. 352 с.

22. Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». Сокр. пер. с англ. М., 1972. 251 с.

23. Шульц Т. Экономика пребывания в бедности. Нобелевская лекция 8 дек. 1979 г. // Нобелевские лауреаты по экономике: взгляд из России. Под ред. проф. Ю.В. Яковца. СПб.: Изд-во «Гуманистика», 2003.-С.284-297.

24. Абалкин Л. Размышления о долгосрочной стратегии, науке и демократии // Вопросы Экономки. 2006, №12. С. 6-7.

25. Кундлин В. Переход к новой модели экономического развития // Экономист. 2006. №10. С. 7.

26. Демитьев В.Е. О характере Российской догоняющей модернизации и ее институциональном обеспечении // Российский экономический журнал. 2005.- №2. С. 21-29.

27. Губанов С. Путь России в базисных координатах эпохи // Экономист. - 2006. - №7. - С. 6.

УДК 338.22.921.1

Боков В.В., Тесленко И.Б.

Тенденции динамики институциональных преобразований в Российской Федерации

Трансформация российской экономики имеет существенные особенности и в значительной мере отличается от аналогичных реформаций в зарубежных странах. Эта специфика обусловлена совокупностью множества причин, среди которых следует назвать в первую очередь длительное влияние командно-административной системы, до сих пор не изжитой на институциональном пространстве России. К числу других факторов отнесем: традиционное доминирование государственной власти особенности политических партий, слабость профсоюзов, засилье и консерватизм идеологии, ценности семьи, традиций, национальных и конфессиональных обычаев, демографической ситуации, этнической и социальной психологии и некоторые другие, которые обобщенно следует признать как внеэкономические факторы формирования институциональной среды.

Многообразие факторов воздействия и многовекторность и сложность влияния их на конечную составляющую убедительно доказывают, что трансформация социально-экономических систем любого уровня в условиях российской действительности представляет собой сложный и многоплановый процесс, ориентированный на достижение нового более высокого качественного уровня развития общества и достижения населения более высокого качества жизни как основы устойчивого экономического роста.

Трансформация на основе инноваций - это не только использование достижений НТП в производстве. Это системный и очень сложный процесс, включающий инновационные преобразования в ряде общественных сфер: технико-технологической, организационной и социально-экономической, т.е. это те реформы, которые должны затронуть не только экономику, но и социальное развитие.

Инновации сегодня в условиях российских реалий – это новаторский характер науки и образования, принципиально новые технологии менеджмента и организации производства, институциональные новации, наука, новые пути решения экономических проблем, нестандартные методы решения государственных вопросов, и многое другое, что направлено на внесение инноваций во всех сферах социальной жизни.

Современная международная тенденция технико-технологической и инновационной характеристики модернизации является качественное изменение взаимосвязи науки, техники и экономического роста, по словам Л. Гохберга, проявляется в следующем:

- рост инвестиций в научные исследования, что приводит к усилению наукоемкости и инновационной активности всех секторов экономики, в том числе и традиционных;

- ускорение технологического прогресса, сокращение жизненного цикла продуктов и услуг, сроков проведения исследований и внедрения инноваций (особенно это касается компьютерных технологий, мобильной связи), снижение доли отраслей с доминированием инноваций, связанных с технологическими процессами, а не с товарами и продуктами;

- усиление научных ориентиров на потребности экономики: растет доля предпринимательского сектора в выполнении и финансировании научных исследований; усиливается связь между тематикой исследований и корпоративной стратегией хозяйствующих субъектов;

- совершенствование методологии науки с превалированием междисциплинарных исследований, ее инструментария и организации науки (проектное финансирование, временные творческие коллективы);

- повышение значения связей между различными стадиями инновационного цикла, производителями и потребителями знаний, бизнес-сообществом как потребителем инноваций, рынком, государством. Распространение знаний и овладение ими начинает осуществляться на основе создания локальных кластеров и глобальных объединений;

- расширение сектора деловых услуг [1].

Сегодня все больше сторонников у аксиомы, что в современных условиях конкурентоспособность любой системы возможно обеспечить только в условиях создания и использования очень высококачественного человеческого капитала. Э. Тоффлер отмечал, что «с каждым шагом

вперед добавленная стоимость, возникает во все большей степени из знаний, а не из дешевого труда, из символов, а не из сырья. Поскольку ослабляется необходимость в сыром необработанном материале, труде, времени, пространстве и капитале, знание становится источником развития экономики» [2].

В Западных государствах последнего периода доминирующей становится «новая экономика», ключевым ядром которой является «экономика знаний» (воспользуемся вольной интерпретацией начального понятия «общество знания», которой стало вводиться в научный оборот с подачи американского экономиста М. Кастеллса). В частности, «новая экономика» предусматривает наряду с сохранением и развитием научного потенциала, в том числе за счет повышения уровня образования населения, развития информационных технологий, еще и трансформацию самой структуры экономики, а, следовательно, и институциональной среды.

Одним из путей практического использования научных знаний на нужды развития социально-экономической системы является формирование соответствующих институциональных образований, совокупность которых создает национальную инновационную систему (НИС). К ее структурным элементам следует отнести: научные знания, производство инноваций и их использование, формирование инфраструктуры функционирования инновационной деятельности, а также финансово-экономическую и организационно-правовую компоненту.

При этом большинство стран Западной Европы (например, Финляндия, Швеция) перешли от научно-технической к технологической, а в настоящее время - к инновационной государственной политике, сформировали успешно действующие региональные национальные инновационные системы (в них от 5% до 10% местных бюджетов расходуется для проведения НИОКР), которые поставили инновационные факторы на службу развития национальных социально-экономических систем [3].

В России же по-прежнему основным фактором роста видится сырьевой сектор, а остальные сектора экономики работают в основном на них, закрепляя сырьевую ориентацию. При этом у зарубежных стран растет роль наукоемких и высокотехнологичных производств, в целом обрабатывающей промышленности.

Для расширения горизонтов «новой экономики» основные усилия в нашей стране необходимо сосредоточить на информационных технологиях и электронике, так как они в большей степени обуславливают сегодня экономический рост. Наряду с IT-технологиями в условиях сегодняшних реалий перспективными являются следующие направления научных исследований, как производственные технологии, новые материалы и химические продукты, технологии живых систем,

транспорт, топливо и энергетика, экология и рациональное природопользование и некоторые другие сферы и отрасли, которые работают на конкурентоспособность Российской Федерации.

Только такой сценарий позволит нашей стране на равноправных условиях выйти на мировой экономический рынок. Как указывает Е. Ясин, «такие продукты должны занимать в экспорте, страны не менее 10-15%, а на внутреннем рынке в условиях полной открытости - 75-80%». Конкурентоспособная готовая продукция — это основная цель модернизации».

Еще одним важнейшим элементом трансформации является организационная составляющая, включающая в себя формирование тех структур, обеспечивающих динамический процесс трансформации новаций в продукты, а также полномочное управление ими. Данный процесс предполагает: нетрадиционный подход к процессу производству знаний; поддержание и усиление государственных институтов, ведущих конкурентоспособные фундаментальные исследования мирового уровня; формирование центров инновационных разработок; совершенствование системы финансовой поддержки науки (в том числе: целевая адресность выделяемых средств, финансовая поддержка научных организаций государством на фоне качественной оценки научно-исследовательских и бизнес-проектов, превалирование, а затем и полный переход от схем субсидирования к кредитованию; софинансирование из бюджетов международных проектов); способствование коммерциализации научных исследований и опытно-конструкторских разработок, содействие развитию рынков технологий (совершенствование и защита рынка интеллектуальной собственности, стимулирование научно-исследовательской деятельности за счет мер налогового регулирования, в том числе прибыли, идущей на внедрение новых технологий); формирование и совершенствование системы государственного и частного страхования инвестиций в инновационную сферу; принятие мер по активизации создания и функционирования малых фирм, обеспечивающих разработку и трансферты новых технологий; поощрение органами государственной власти и управления участия российских научно-исследовательских организаций в международных технологических объединениях; создание института объективной независимой научной экспертизы; усиление обратной связи и взаимодействия (партнерских отношений) между государственным сектором науки и промышленными предприятиями (долевое финансирование с участием частного инвестора) на базе внедрения механизмов государственно-частного партнерства.

В настоящее время стали делаться только первые шаги по реализации этой стратегии.

Сегодня как никогда ранее в нашей стране необходимо создание развитой инфраструктуры инновационного сопровождения (инкубаторы

для бизнеса, технопарки, компании по управлению активами, смешанные государственно-частные фонды стартового капитала, информационно-консультативные центры, отраслевые фонды-партнерства, обеспечивающие коллективные инициативы предприятий, внедрение схем долевого субсидирования, ассоциации научных и промышленных парков), а создание хозяйственного механизма, направленного на перераспределение ресурсов, а также сверхприбыли от экспорта природных ресурсов из неэффективных производств в перспективные.

Институциональные структуры в области НИОКР и инновационного развития являются специфичными для каждой страны. Например, в Швеции создана национальная программа инкубаторов инноваций и институциональных структур, обеспечивающих трансферт технологий. Постоянно совершенствуются и реализуются программы «Инновационная Швеция», «Инновационная Норвегия» и т.д. [3].

Как свидетельствует опыт большинства стран с развитой экономикой, переход на инновационный путь развития возможен только на основе использования государственного капитала или на паритетных началах с частными компаниями при активной государственной поддержке (уже упоминавшееся государственно-частное партнерство). При такой схеме взаимодействия государство берет на себя разработку стратегии инновационного развития и разделяет риски с частным бизнесом, т.е. активно включается в инновационный процесс, создавая соответствующий экономический механизм и выступает его непосредственным участником и инициатором.

Таким образом, и Российской Федерации требуется новое отношение к инновационной политике, которая должна разрабатываться в соответствии с целями среднесрочной программы развития страны и в тесном союзе с ведущими учеными коллективами и научными сообществами, представителями бизнес-элиты, малого и среднего предпринимательства, а также всего гражданского общества.

Российские хозяйствующие субъекты, и прежде всего крупные корпорации, холдинги, концерны и т.п. являются преобладающими субъектами инновационных преобразований, так как именно в крупных производственных формированиях аккумулируются ключевые ресурсы для инновационных технологий (трудовые и финансовые ресурсы, управленческие и организаторские технологии). Так, например, финская «Нокиа» финансирует 1/3 всех научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и 50% частных расходов на эти цели [4].

По результатам своих исследований О. Голиченко делает вывод о том, что «чем крупнее предприятие, тем меньше его предпринимательская активность (меньше желание создавать новый продукт, усовершенствовать методы производства).

Государственные предприятия имеют лучшие показатели предпринимательской активности и инновационной продукции по

сравнению с частными, но последние характеризуются более высокими показателями эффективности инновационного производства. Иностранные предприятия опережают российские по масштабам инновационного производства, но по предпринимательской активности (доля инновационно активных предприятий) уступают всем формам собственности с российским участием» [5].

В целом деятельность всех предприятий в нашей стране отличается невысоким уровнем наукоемкости, т.е. степенью использования научных знаний, патентов и новых разработок.

Если характеризовать в целом деятельность микроэкономических субъектов Российской Федерации, то следует отметить крайне низкую уровень наукоемкости использования знаний, патентов и инновационных разработок.

Если в западных компаниях с высокой долей добавленной стоимости в продукции соотношение между материальными и нематериальными активами в балансе составляет 30 и 70%, в худшем случае - 40 и 60%, то у российских предприятий лишь 99 и 1% [6].

К сожалению, в Российской Федерации, наряду с инновационной инертностью крупных предприятий, инновационная активность представителей малого и среднего бизнеса тоже невысока, что является следствием недостатка финансовых ресурсов и государственно-административной поддержки. Удельный вес микро-, малых и средних предприятий, работающих в научно-технической и инновационной сфере, составляет всего 1,4% общего количества таких предприятий. Для организации нового производства высокотехнологичных продуктов требуются огромные средства. Расчеты экспертов Организации Экономического Сотрудничества и Развития показывают, что для крупных фирм с объемом продаж 4 млрд. \$, выход новых продуктов обходится в 1 млн. \$ затрат на научные исследования и разработки, т.е. для одного нового продукта требуется примерно 2 млн. \$ затрат на НИОКР. Такие вложения пока еще не под силу современному рынку венчурного капитала в нашей стране [7].

В связи с очевидной необходимостью для достижения успеха обеспечить объединенные усилия всех ветвей бизнеса, одной из составляющих инновационного хозяйственного механизма является взаимодействие крупных, средних и мелких предприятий, их сотрудничество с научными организациями, государственными организациями. Рычаги и инструменты стимулирования такого взаимодействия есть, и они уже апробированы и хорошо себя зарекомендовали в российских условиях - гранты, государственные контракты, кооперативное соглашение на научно-исследовательскую работу, помощь государства с регистрацией за рубежом прав отечественных изобретателей на интеллектуальную собственность и т.п.

Некоторые ученые отдают приоритет в вопросе институционального первенства по достижению темпа и качества экономического роста, нацеленного на улучшение качества жизни населения, вертикальной интеграции собственности всех секторов экономики и, прежде всего, добывающего и индустриально-технологического, поощрение создания корпораций в различных отраслях и сферах деятельности. Примерами могут служить Объединенная судостроительная корпорация, Российская корпорация нанотехнологий, Объединенная авиастроительная корпорация, реализация программ «Мировой океан», «Федеральная космическая программа», «Электронная Россия», «Энерго-эффективная экономика», «Глобальная навигационная система» и др., финансируемые из средств федерального бюджета [8].

Данные и подобные им проекты призваны стать локомотивами для смежных отраслей и секторов экономики, которые пока по уровню своего развития не являются лидирующими. И во избежание сдерживания общего развития, этим отраслям и сегментам также необходимо уделять внимание. Именно этим вызвана необходимость «второй» электрификации страны, развития всех видов транспорта, дорожной сети.

В целом же инновационная система страны имеет фрагментарный характер, а ее структурные элементы развиваются изолированно друг от друга. В Российской Федерации на сегодняшний день создано около 200 технопарков, результаты их деятельности крайне незначительны. И еще один чисто институциональный аспект нельзя оставить без внимания. Государственная роль в развитии и поддержке отечественного бизнеса должна заключаться не только в финансовой и организационной поддержке бизнеса, но и в возрождении традиций предпринимательства, меценатства, социальной ответственности, их «выращивании» и поощрении.

И в этом направлении тоже есть первые шаги: был принят кодекс корпоративного поведения, создан специальный третейский суд при Российском союзе промышленников и предпринимателей, принят кодекс православных предпринимателей, при саморегулируемых организациях создаются кодексы чести и правила поведения.

Такие неформальные правила могут успешно развиваться только в условиях четко определенной системы формальных регламентов — той нормативно-правовой базы, которая должна на деле защищать права собственности, исполнение контрактов, противодействовать коррупции и криминалу; обеспечить подлинную независимость судейства; низкие административные барьеры и конкуренция.

Тогда может произойти модернизация «социетального типа общества». У Т.И. Заславской данный тип общества определяется такими базовыми институтами, как степень легитимности, демократичности и эффективности власти; структура, развитость, легитимность и защищенность собственности; многообразие и зрелость структур

гражданского общества и широта и надежность прав и свобод человека [9].

Наряду с двумя вышеперечисленными составляющими институциональной трансформации (технично-технологической и организационной) необходимо действие третьей составляющей — социально-экономической.

Важным ресурсом трансформации социально-экономической системы являются человеческие ресурсы. Ю. Князев считает, что «современный этап развития общества следует называть не экономикой знаний, а научно-инновационной экономикой, т.к. до сих пор в ее основе лежит труд человека; хотя в нем начинают преобладать творческие, научно-исследовательские и инновационно-внедренческие элементы» [10]. В этой связи необратимость трансформаций только тогда достигнет цели, когда ее смысл понимает население, и гражданское общество будет поддерживать эти трансформационные изменения, которые в конечном итоге должны отвечать интересам большинства населения.

При таком сценарии любая трансформация социальных институтов, будь то пенсионная реформа, образование и здравоохранение, жилье, зарплата работников бюджетной сферы должны сопровождаться улучшением качества жизни населения, расширением занятости, ростом квалификации работников и повышением зарплаты. При этом каждый субъект экономической системы должен получать доход в зависимости от внесенного в конечный результат вклада, его личной инициативы, креативности, ответственности за претворение на практике принятых решений.

Инвестиции в человеческий капитал важны еще и тем, что, помимо прямых эффектов, стимулируют спрос во многих смежных секторах, обеспечивая тем самым значительный мультипликативный эффект.

Как показывает мировая практика, «расходы на здравоохранение должны составлять 5-10% от валового внутреннего продукта (рекомендации минимально допустимого уровня по рекомендациям ВОЗ до уровня наиболее благополучных стран), расходы на науку — 1,5-3% ВВП, расходы на образование — 5-7% ВВП. Согласно взглядам институционалистов, деятельность государства, ориентированного на максимизацию совокупного дохода его граждан, соответствует признакам контрактного государства. Использование профицита бюджета и в инвестиционных целях может повысить норму накопления до 25-28%, что соответствует нормальному уровню динамично развивающихся стран» [11].

Власть в нашей стране продолжает концентрировать процесс принятия решения внутри властной элиты, т.е. остается закрытой для диалога с обществом. При этом таким способом принятия решений (в науке принято называть его монологическим) злостные и назревшие

законы не могут быть проработаны системно и глубоко, внедрение инноваций сдерживается, нарастает социальная напряженность.

Д. Норт считает, что в качестве формы контракта государства и гражданского общества выступает организованная идеология (как способ интерпретации фактов повседневной действительности). Установление тесного контакта власти и общества способно вызвать изменения социетального типа общества [12].

А. Ахиезер и М. Шуровский с позиции монологизации указывают, что предшествующие века монологизации подрывали творческий потенциал общества. Это открыло путь монологической власти, не имеющей механизма установления меры своих возможностей, границ, тратившей силы народа, низведенного до уровня условий, средств, на циклопические нежизнеспособные проекты и авантюры [13].

Для преодоления инерционности развития социума и распространения инноваций для современного российского общества необходима диалогизация. Как отмечает В. Библер, именно «на основе диалогизации формируется новый тип социальности, вырабатываются эффективные решения, может сформироваться активное гражданское общество» [14].

При этом диалог государства, бизнеса и населения позволит увидеть серьезные проблемы и, прежде всего, проблемы, связанные с социальным расслоением, желание преодолеть которое будет способствовать выработке эффективных решений, во главе которых будет поставлено единство цели (национальная идея) и использование преимуществ каждого слоя населения в ее достижении. При этом государство может сосредоточиться на стимулировании спроса на внутреннем рынке, создании недостающей инфраструктуры, бизнес-сообщество - на интеграции своих структур и проведении политики «социальной ответственности», некоммерческие организации - на оказании поддержки в реализации социальной политики и решении проблем консолидации общества. Каждый сектор будет работать на конечный результат, вся система станет функционировать как единый механизм, что позволит обеспечить достижение синергического эффекта. Его экономическими показателями будут обеспечение динамики темпов роста ВВП, производительности труда, инновационного развития, качества жизни.

Совершенно очевидно, что успех трансформации экономики и эффективная интеграция нашей страны в мировое экономическое сообщество возможны на основе системных преобразований - технико-технологическом, организационном и социально-экономическом, основанных на всесторонней модернизации, опирающихся на продуманную макроэкономическую политику, единство действий представителей всех секторов экономики, инновационную компоненту.

Трансформации, целью которых является политика преодоления кризиса и переход к стратегии экономического роста, это переход экономики на более эффективную траекторию развития.

Инструменты и методы трансформационной политики должны быть адекватны состоянию экономики, учитывать традиции общества и тенденции мирового экономического развития. В сущности, речь идет о ревизии имеющихся подходов к управлению трансформациями социально-экономическими системами, модернизации сферы регулирования путем перехода к пятому и шестому технологическому укладам, обеспечения конкуренции, повышения инновационной и инвестиционной активности, реальной борьбы с коррупцией, стимулирования творческой, предпринимательской и гражданской энергии.

Как мы уже отмечали, реализация социально-экономических трансформаций требует трансформации форм и способов экономической деятельности на основе модернизации (использование качественно новых техники и технологий, приемов организации и управления, ресурсов, институтов, обеспечивающих соответствия новым требованиям).

Существуют значительные отличия российских трансформаций от зарубежных, этим вызвана системность ее проведения, включающая изменения не только в технико-технологической, но и в организационной и социально-экономической сферах функционирования социума. Трансформируемые и вновь формируемые институты и сама инфраструктура, а также методика проведения изменений должны соответствовать состоянию экономики, обеспечивая ее инновационное развитие с учетом внутри- и внешнеполитической реалий.

Имеющаяся в настоящее время в нашей стране институциональная система не стимулирует инновационную деятельность, макроэкономическая политика и в целом теория трансформации не дают ответов на вызовы настоящего момента и не нацелены на создание конкурентоспособной системы хозяйствования. Все это сказывается на системе экономических отношений (собственности, особенностях перераспределения ресурсов и доходов).

Проведенный анализ состояния российской экономики показал, что успех преобразований будет возможен на основе обеспечения гармонизации институциональной среды (своевременного создания и изменения институтов), согласования интересов различных субъектов экономики и развития механизмов их эффективного партнерского взаимодействия.

В наших условиях сегодня безусловно приоритетным формирование экономических отношений, которые бы способствовали созданию равных условий функционирования различных форм собственности. В перспективе это может привести к частичному восстановлению позиций государственной собственности в ряде ключевых отраслей и производств в различных сферах деятельности (военно-промышленный комплекс, естественные монополии, реализация

алкогольной и табачной продукции, производство драгоценных камней и металлов, а также пушнины).

Необходима система мер по приоритетной поддержке деятельности тех экономических субъектов, которые в своей деятельности активно разрабатывают и используют инновации, обеспечивающим экспорт наукоемкой продукции с высоким уровнем добавленной стоимости, с превалированием в виде конечной продукции.

Обязательным условием формирования стабильной институциональной среды является создание и поддержка так называемого среднего класса, который является своего рода гарантом нивелирования резких социальных катаклизмов.

Следует мониторить и поддерживать процесс конвергенции различных неформальных институциональных структур. Все эти тренды начнут давать результат только при условии активной управленческой деятельности, что может быть подкреплено и эффективно реализовано в случае совместной созидательной работы государства и всего социума в целом. Результаты анализа возможны только на условиях общей сбалансированности институциональной структуры, гармонизации интересов ее компонентов и развития механизмов их взаимодействия.

Неоднородность российского предпринимательства, отсутствие у бизнес-сообщества стимулов к развитию новых технологий, с одной стороны, и механизмов влияния на органы власти, принимающие решения, с другой, отсутствие средств и мотивов для социально ответственного ведения бизнеса, мощное бюрократическое, административное и коррупционное давление практически выводит российский малый и средний бизнес из числа более или менее активных институциональных субъектов и сужает его деятельность до решения насущных вопросов выживания. При этом государство как особый институциональный субъект, определяющий и диктующий обществу формальные правила игры, должно учитывать интересы всех здоровых институтов и быть направляющей силой к развитию социально-экономической системы посредством проведения трансформации затрагивающих уровень регионов, и уровень отраслей, а также межрегиональные и межотраслевые уровни.

Вместе с тем для российских субъектов некоммерческой сферы характерны низкая финансовая и социальная активность, поскольку их специфическими чертами являются разрозненность и слабая солидаризированность, небольшая численность, а также крайняя ограниченность финансовых ресурсов. В результате основная и очень важная миссия — защита общественных интересов и предоставление услуг целевым группам населения и объектам бизнеса выполняется не в полной мере.

Такое положение во многом может быть объяснено уровнем спецификой институциональной среды, в которой данные субъекты

функционируют.

Уровень доверия к власти, соблюдение уголовно-правового и налогового законодательства, динамика нелегитимизированных сегментов экономики и социума — являются теми основными показателями, которые демонстрируют неравномерность социальной ответственности между государством и обществом и служат мерилom институциональной незрелости всего общества в целом, в том числе его мезоуровневых подсистем.

Более того, максимальная реализация потенциала секторов невозможна без соответствующего развития институциональной среды, без взвешенной и гармоничной институциональной структуры.

Следует отметить также, что оптимальность и адекватность институциональной среды во многом является величиной динамической, и при ее подверженности воздействию совокупности постоянно меняющихся по направлению и величине факторов является величиной реактивной. И задача как раз и состоит в том, чтобы зафиксированную в состоянии оптимальной эффективности институциональную среду, гармонизирующую интересы всех ее субъектов, не вывести из данного состояния адекватности при внешнем и внутреннем воздействии любой величины.

Во многом именно незрелость институциональной среды является ключевым сдерживающим фактором позитивных трансформационных процессов, для формирования полноценного рынка собственности в стране, минимизации роста неоправданных финансовых и человеческих ресурсов при проведении реформ, создания объединяющего вектора в развитии социальных институтов. Перечисленные негативные проявления способствовали экономической дезинтеграции в пределах систем любого из уровней и, в частности, регионов и отраслей, а также их сегментов. Центристский вектор стал преобладающим и определяющим для целого ряда явлений социально-экономической жизни, среди которых многие имеют явно негативный оттенок: значительный перекос в сторону развития топливно-энергетического комплекса, сырьевая направленность российского экспорта, замедление развития наукоемких отраслей, нивелирование конкурентных преимуществ на мировых рынках и следующее за этим сокращение и без того невысокой доли Российской Федерации в структуре мировой торговли.

В целом же незрелость институциональной среды является основным препятствием для реализации самых необходимых и вполне оправданных реформ.

Таким образом, для успешной реализации функции управления процессами трансформации социально-экономическим систем требуются следующие неперенные условия:

1. Соответствующий управленческий потенциал со стороны

ядра социально-экономической системы: головных органов власти в регионе и управления в отрасли при наличии соответствующих ресурсов.

2. Качественное улучшение российской науки, техники и экономики определяет технико-технологическую составляющую, которая в адекватной среде должна быть ориентирована на реализацию потребностей социума посредством ускорения научно-технического прогресса, инновационной экспансии и др.

3. Ключевыми компонентами организационной составляющей трансформации мезоуровневой социально-экономической системы является продуманная и обоснованная целеориентированная программа региональной и отраслевой политики в рамках единого государственного курса.

4. Сочетание интересов институциональных субъектов и увеличение усилий по их консолидации, совершенствование отношений собственности определяют социально-экономическую составляющую трансформации мезоуровневой социально-экономической системы.

Литература

1. Гохберг Л. Национальная инновационная система России в условиях «новой экономики» // Вопросы экономики. 2003. №3. С. 26-44.
2. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: ООО Изд. АСТ, 2002; Основы рыночного хозяйства: понятия и концепции // под ред. А. Шюллера и Х.Г. Крюссельберга. Марбург, Германия: 1993. 130 с.
3. Антошина Н. Страны Северной Европы: наукоёмкий тип развития // Экономист. 2007. №10. С. 33.
4. Антошина Н. Страны Северной Европы: наукоёмкий тип развития // Экономист. 2007. №10. С. 29-40.
5. Голиченко О. Российская инновационная система: проблемы развития // Вопросы экономики. 2004. №12. С. 16-34.
6. Симонов Б. Инвестор должен понять, что у нас тут происходит // Коммерсант. 2004. №104.
7. Экономический рост: теория и практика // Проблемы теории и практики управления. 2005. №3. С. 123-127.
8. Райзберг Б., Морозов Н. Государственное управление инновационными процессами // Экономист. 2008. №1. С. 38.
9. Трансформационный процесс в России: социоструктурный аспект // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. Ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука. Сиб. Предприятие РАН. 1999. С.149-150.
10. Князев Ю. О проблеме социального выбора // Общество

экономика. 2006.- № 6. С. 36; Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М.: 1999.77 с.

11. Сысоев А.В.: Амортизационная политика как фактор инвестиционного развития экономики // Проблемы прогнозирования. 2006. №1. С. 64. <http://www.cemi.rssi.ru/rus/activity/sececon/glazievl.zip>.

12. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. - М., 1997. 487 с.

13. Ахиезер А.С., Шуrowsкий М.А. От диалога к диалогизации (в свете концепции В. Библера) // Вопросы философии. 2005. №3. С. 69.

14. Библер В. Бытие на грани (Беседа с О. Ярцевой) // Век XX и мир.- 1989. N7. С. 16.

УДК 334.012.44

Ишимбаев Р.Н. МОДИФИКАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ КОНКУРЕНЦИИ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Изменение условий хозяйственной деятельности, быстрая информатизация экономики предопределяют дальнейшую эволюцию отношений конкуренции. В методологии теории динамических сложноорганизованных систем создание новой информации (по терминологии Г. Хакена – «самозарождение смысла» [29]) связано с возникновением новых системных качеств. Процесс зарождения актуальной информации становится возможным при возникновении особого рода информационной среды, существование которой поддерживается отдельными частями системы. Эти части, вступая во взаимодействия, порождают новое системное качество: возможность когерентной, кооперативной деятельности. Именно данная информационная среда и поставляет им конкретную информацию: каким образом возможно поддержание коллективной (кооперативной) деятельности [29]. Коллективное поведение оказывается наиболее выгодным для всей сложно организованной системы (система может переходить в различные состояния, и ей необходима информация о том, как осуществлять выбор; полезность или бесполезность информации проверяется только путем взаимодействия с окружающей средой). Данная теория подводит нас к пониманию эволюции конкуренции как взаимодействия субъектов в саморегулируемых, сложно организованных динамических системах, каковыми являются сети.

Формирование конкуренции в информационных секторах возможно проследить, взяв в качестве критерия *процесс взаимодействия и кооперации экономических агентов* [35, с. 37]. Инфраструктурой новой экономики становится сеть, поэтому информационная экономика – это

экономика сетевых связей в самых разных формах [11]. Новая организационная форма такой экономики, по определению М. Кастельса, – сетевое предприятие, «система средств которого составлена путем пересечения сегментов автономных систем целей» [5].

Субъекты различным образом разнесены по пространству экономической системы и формируют сеть каналов обмена информацией, действующую определенным образом (согласование действий головным офисом с подразделениями обеспечивается посредством Интернета и электронных средств коммуникации); взаимодействие между экономическими субъектами может проявляться в различных формах – совместной и опосредованной деятельности. Таким образом, возникают устойчивые группы экономических субъектов, связанных между собой самыми разными элементами [14].

Контуры формирующейся информационной модели кооперации предполагают знания и информацию как исходный момент и конечную цель взаимодействия субъектов. С каждым новым участником количество взаимодействий в сети возрастает на порядок согласно формуле:

$$N = n(n-1), \quad (1)$$

где N – число межличностных взаимодействий, а n – количество участников взаимодействий.

Создание самих сетей, обеспечение доступа в сети, их развитие, расширение ёмкости, развитие заложенных в них информационных технологий, проведение соответствующих разработок для дальнейшего продвижения продукта и услуг требуют больших финансовых ресурсов, знаний и сил, а это не под силу мелким и одиночным компаниям. Поэтому сокращение промежуточных звеньев, отказ от посредников закономерно ведут к формированию института сотрудничества и объединения усилий, создание эффективных каналов передачи и распространения информации, стимулирует дальнейшую экономию ресурсов.

Если увеличение числа участников ведет ко все большему возрастанию числа взаимодействий в сети и к потенциальному росту обмена информацией между участниками, то предельная полезность от каждого дополнительного участника сетевого взаимодействия увеличивается. Таким образом, закон убывающей отдачи как один из основных принципов неоклассического анализа оказывается недействительным по отношению к сетевым благам. В процессе поиска решения создания нового продукта конкуренция означает лишь дублирование усилий и трату средств, однако в сетевых структурах заложен элитарный принцип формирования компетенций, исключено дублирование компетенций рабочей силы и производственных

мощностей. Отсюда принципы сотрудничества и совместной работы получают преимущество перед традиционной конкуренцией. По замечанию М. Хаммера: «Рационализация процессов взаимодействия с другими компаниями – это следующий стратегический шаг в сокращении стоимости, увеличении качества услуг и ускорении рабочих процессов..., чтобы «справиться с быстрыми переменами» необходимо быстро реагировать на них» [31].

Сетевые структуры более гибки в формировании новых контактов и интеграции в профессиональное сообщество (сговорчивость, способность объединиться, кооперироваться с коллегами из смежных или контрсфер деятельности) [34]. Как отмечает М. Портер, компании должны быть гибкими в условиях динамичных рынков и изменяющихся технологий, так как конкуренты могут быстро скопировать любую рыночную позицию, и всякое конкурентное преимущество имеет временный характер [19].

Сетевая конкуренция базируется на выполнении сходных действий *лучше*, чем это делают конкуренты, *отличных* действий от тех, что выполняют конкуренты, либо выполнении сходных действий *иным способом* [37, с. 62]. Такой подход означает признание того, что основанная на конкуренции деятельность одного, даже предельно интегрированного предприятия или виртуальной корпорации не может быть успешной без создания сетей. По нашему убеждению, сетевые взаимодействия характеризуются рядом неоспоримых преимуществ: мобильностью, адаптивностью к внешней среде, гетерархичностью (децентрализованностью), укоренённостью, связанностью, взаимностью (реципрокальностью) [20, с. 34], персонифицированным характером отношений [16, с. 142], широкой распространённостью внеэкономических предпочтений и предпочтений, лояльностью к партнерам.

Данные положения подводят нас к необходимости обоснования конкуренции как процесса сотрудничества и кооперации. В экономической теории исследуются три вида взаимодействий сил: отталкивания (конкуренция, соперничество), притяжения (кооперация, сотрудничество) и инерции (традиции, привычки).

По мнению А.А. Хвалько, в условиях распространения информационных благ необходимо говорить о переключении субъекта хозяйствования с отдельно взятой фирмы на сеть взаимодействующих фирм, что ставит на повестку дня вопросы о коллективной конкурентоспособности, результативности, согласовании интересов и стратегий, генерировании совместных активов и стимулов к развитию по отношению к новому субъекту рыночных отношений – *сети взаимодействующих фирм* [32, с. 172].

В основе теории М. Портера лежит идея о принципиально новой концепции конкуренции – *конкуренции не отдельных фирм, а цепочек*

ценностей (т.е. такой конкуренции, когда фирме становится выгодным бизнес-партнерство и профессиональная кооперация в отдельных звеньях цепочки создания блага). Есть элементы, которые добавляют ценность продукту, а есть такие, которые не добавляют. В этом аспекте любую организацию можно рассматривать как бизнес-систему цепочки создания ценностей стоимости (valuechain)¹, состоящую из отдельных звеньев [18]. Причем, в этом участвует не только сама фирма, но и ее партнеры участники создания ценности в тех или иных звеньях цепи. Цепочка добавления потребительской стоимости представляет собой совокупность работ, которые увеличивают потребительскую стоимость, и потребитель желает или готов оплачивать затраты на выполнение тех работ, которые добавляют потребительскую стоимость продукта. Таким образом, если информационное благо увеличивает свою ценность по мере роста его количества и при этом цена блага падает по мере роста его ценности для потребителей, то наибольшей ценностью в условиях информационного сектора обладает такое благо, которое предоставляется бесплатно.

По нашему мнению, развитием теории Портера является модель stakeholders (держателей интересов) В.С. Ефремова, под которой автор понимает систему отношений между предпринимателями, работниками, инвесторами, конкурентами, а также потребителями... продукции и третьими сторонами, имеющими определенный интерес в отношении данного предприятия [4]. Аналогичный подход мы находим у Ф. Янсена, который отмечает, что интеграционные процессы выступают как «благоприятные петли взаимного усиления» для участников или мультипликаторы при создании ценности [36]. П. Друкер обосновал вывод, что логичнее рассматривать конкурентоспособность не отдельно взятой фирмы, а сети поставок, в которую эта фирма включена [24].

Мы придерживаемся мнения, что в информационной экономике уже нельзя рассматривать конкуренцию (борьба, состязательность) как единственный способ взаимоотношений между субъектами. В условиях технологического усложнения и роста научно-технической нагруженности большинства современных благ начинается распространение модели модифицированной конкуренции – так называемой «кооперации» (cooperation: competition – конкуренция и cooperation – сотрудничество + «кооперация») [40]. Конкуренцию в соответствии с этим можно обозначить терминами «конвергенция» +

¹ Концепция цепочки добавления потребительской стоимости была предложена профессором Гарвардской школы бизнеса Майклом Портером и широко используется в области консультационных услуг, направленных на совершенствование деятельности компаний для обеспечения их конкурентоспособности.

«конкуренция» = «кооперация», что отражает процессы «кооперации поневоле», когда конкурирующие компании в стремлении предложить бизнесу самое привлекательное решение, объединяют свои возможности [17].

Без кооперации так же, как и без конкуренции, невозможно существование информационной экономики. Синергетическое сочетание «конкуренции и кооперации, сотрудничества и соперничества – это принципиально новые подходы к конкурентному процессу в информационной экономике» [6]. Вместо конкуренции предприятий и корпоративных конфликтов возникает новый тип отношений между агентами, который, по определению Г. Клейнера, можно назвать «кооперацией» и «конкоперацией». В данном аспекте следует согласиться с точкой зрения С.М. Климова о том, что до сих пор совершенствование процессов обработки информации и процессов ее доставки шло разными самостоятельными путями. Их интеграция, имеющая место в современных условиях, дала огромную социальную, экономическую, культурную синергетику. Сегодня именно коммуникативная сторона информационной революции выходит на первый план [7].

Кооперация как способ взаимодействия субъектов информационной экономики, на наш взгляд, способствует:

- повышению гибкости бизнеса и эффективности работы организаций при одновременном снижении капитальных и операционных затрат;
- формированию новых бизнес-моделей, требующих более высокого уровня эффективности и интенсивности совместной работы (выйти за пределы простой модели контроля и ограничения расходов);
- стимулированию эффективной совместной работы с использованием инновационных подходов и обеспечению защиты бизнеса в новых экономических и технологических условиях, меняющих способы взаимодействия людей и организаций;
- обеспечению выживаемости компании, сохранению ее целостности, возможности противостоять дестабилизирующим факторам и рискам и продолжить свое развитие в условиях неопределенности.

В предложенной нами схеме отражены основные виды конкуренции, характерные для секторов информационной экономики.

Следует отметить, что в рамках информационной экономики модифицируется не только сам предмет конкуренции (соперничество происходит за новые нематериальные ресурсы), но возникают и новые формы конкуренции. Вместе с тем, нельзя утверждать, что доступ к дефицитному информационному ресурсу становится все менее значимым фактором конкурентоспособности. Здесь одновременно присутствуют две разнонаправленные тенденции: во-первых, ресурсные

ограничения превращаются в более жесткие; во-вторых, растёт доля внересурсных факторов конкуренции.

Общезвестно, что классическая конкуренция концентрирует усилия на возведении барьеров: финансовых, информационных, технологических, качества, ценовых, как способов защиты от конкуренции. Однако в условиях информационной экономики для компаний, ориентированных на динамическое инновационное развитие, конкурентоспособность заключается уже не в возведении барьеров, а в скорости осмысления изменений и опережении рынка или в степени «широты кругозора», которая даёт высокую степень свободы и гибкости [8]. Например, для продукции Apple не используется операционная система Windows, ставшая традиционной для большинства персональных компьютеров (владельцы iPod, iPad и iPhone вынуждены приобретать программное обеспечение и цифровые приложения, предлагаемые компанией Apple), а электронные приложения нельзя использовать на электронных мобильных устройствах других производителей в силу несовместимости программного обеспечения [22]. В этом аспекте данная фирма может рассматриваться как своеобразный монополист.

Мы склонны считать, что эволюционирует и ценовая конкуренция, всё более приобретая черты неценовой. Во-первых, происходит снижение роли ценовой конкуренции (так как она значима для рынков «простых», однородных товаров с небольшим количеством характеристик и устоявшимися способами использования). Во-вторых, на рынках информационных, дифференцированных, сложных, уникальных, быстро меняющихся товаров, ценовая конкуренция сменяется имиджевой, статусной, качественной, основанной на индивидуализированном сочетании потребительских свойств продукции. В-третьих, в ценообразовании имеет место процесс снижения доли «простых», материальных ресурсов при параллельном возрастании доли различных компенсаций – за программное обеспечение, разработку проектов, торговые марки и пр. Классическим примером являются фирмы, которые производят не только материальные носители передачи информации, но и дополнения к ним, порождая эффект взаимозависимости: фирма Apple помимо выпуска электронных мобильных устройств (аудиоплеера iPod, смартфона iPhone и планшетного компьютера iPad) активно предлагает пакет программ и приложений к ним, как покупаемые, так и получаемые бесплатно в интернет-магазине iTunes Store. В настоящее время iTunes Store – самый крупный онлайн-распространитель и продавец электронных приложений в США [38].

Конкуренцию в информационных секторах следует рассматривать не только как один из аспектов удовлетворения конкретных потребностей, но и как соперничество за потребности или

«за свободные ресурсы потребителя – деньги, время, выбор» [21]. Например, усиливается борьба за внимание потребителей: состоятельность проявляется как борьба за доступ (за ограничение доступа) к информационным ресурсам и дополняется борьбой за ресурс внимания. Возникает конкуренция за персонал, обладающий динамическими компетенциями (выигрывают работодатели, умеющие привлечь сотрудников с уникальными способностями генерации бизнес-идей, эксклюзивными компетенциями, аналитическими задатками, навыками менеджмента собственных знаний и т.д.). Имеет место также так называемая «конкуренция с собой»: более старые продукты данной компании, проданные ранее и уже используемые потребителями, являются серьёзным конкурентом для её же собственных, но более новых продуктов, что характерно, например, для продукции крупнейшего производителя компьютерной техники Intel, являющегося лидером на своём рынке. Определённым знаком информационной экономики является конкуренция за виртуальную территорию.

Особенностью современной конкуренции является то, что конкурентная борьба сегодня не обязательно заканчивается вытеснением с рынка или банкротством побеждённых. Всё чаще практикуются поглощения и слияния фирм, которые, как правило, преследуют цели получения конкурентных преимуществ за счёт концентрации ресурсов или получения эффекта экономии на масштабе (например, в начале 2000 гг. только в США было официально объявлено об 11400 слияниях). Так, креативная сеть как объединение группы предприятий, стремится к созданию уникальных товаров и услуг, уступающих с рынка уступающие им потенциальные заместители в результате естественного решения конечного потребителя.

Существует также конкуренция между альтернативными технологиями за право стать доминирующим стандартом или за право устанавливать стандарты: производимая продукция настолько информационно насыщена, что разрабатывается по своим внутренним стандартам, а индивидуальные потребности потребителей формируют алгоритмы учета этих стандартов [23].

Экспансия экономического субъекта в информационном пространстве выражается в достижении информационного доминирования средствами информационно дешёвыми, универсальными, доступными и обладающими высокой оперативностью и эффективностью применения.

Обозначенные изменения в содержании конкуренции проявляются в изменении организационных и институциональных механизмов взаимодействия экономических агентов, в появлении новых субъектов.

По нашему мнению, интеграция и кооперация даёт усиливающий (синергетический) экономический эффект от совместной

деятельности, способствующий формированию неклассических (посттейлоровских, постфордистских) или синергетических предприятий нового поколения: интегрированных (гибридных), сетевых [13], горизонтальных [39], виртуальных [12], фрактальных, самообучающихся, интеллектуальных [30].

Эволюция конкуренции повлекла за собой возникновение ряда новых участников экономических взаимодействий, которые можно охарактеризовать как «квазипредприятия» или виртуально-интегрированные гибридные предприятия, основанные на гибкой, адаптивной, динамичной сетевой структуре [28]. Такое предприятие не существует в реальном физическом пространстве, оно создано путем информационной интеграции ресурсов партнеров, но в то же время объединяет цели, культуру, традиции, ресурсы, опыт ряда предприятий-партнеров, координируя их развитие, и представляет собой «предприятие над предприятиями», т.е. «метапредприятие» [27]. Например, в модель электронного бизнеса уровня B2B¹ входят компании двух групп: интегратор - владелец бренда, идеи и технологии производства нового продукта - и компании, которые группируются вокруг интегратора для осуществления функций по производству этого продукта, образуя сеть внешних структур. Интеграторы, работающие в тесной кооперации с сетью внешних структур, служат примером «сообщества добавленной стоимости» (value added community). Благодаря стремительному развитию B2B-электронной коммерции современные высокотехнологичные компании превращаются в интеллектуальный центр интеграции производственного цикла и все больше отказываются от деятельности, требующей физического капитала. Такие компании становятся носителями новой философии бизнеса [9].

Аналоги данных предприятий сегодня представлены различными формами партнерства фирм-конкурентов в виде кросс-холдингов, стратегических альянсов, долгосрочных контрактов, позволяющих им совместно осваивать новые рынки и делить риски принимаемых решений. В этом плане стратегические альянсы являются наилучшей демонстрацией того, как сотрудничество вчерашних конкурентов оборачивается взаимной выгодой. От таких альянсов всегда выигрывает потребитель (например, простое приобретение пакета программ Windows фирмы Майкрософт обойдется в 100 долларов, а вместе с компьютером IBM - всего 30 долларов) [15]. Число стратегических альянсов в мире непрерывно растет: в начале 80-х гг. ежегодно заключалось примерно 300 соглашений, к концу 90-х гг. эта цифра превысила 600 [25].

Таким образом, стратегические альянсы позволяют фирмам: объединять ресурсы и усилия для достижения определенных целей;

снижать издержки по реализации проектов; минимизировать риски; взаимно воспользоваться преимуществами партнеров; взаимовыгодно использовать торговые марки или сбытовые сети партнеров; сократить сроки освоения новых технологий [2].

Глобализация рынков также побуждает организации искать новые формы взаимоотношений с хозяйствующими субъектами, которые не являются их конкурентами. Развитие данных тенденций привело, в частности, к появлению так называемых «оригинальных производителей» (IBM, Philips, Sony и др.), которые размещают по системе аутсорсинга заказы на производство товаров со своим брендом среди фирм-контракторов [25]. Оригинальные производители подчас ничего уже не производят сами, превратившись в операторов сетей из множества специализированных фирм-контракторов. Это позволяет владельцам брендов высвободить ресурсы для разработки новой продукции и сосредоточиться на управлении торговой маркой, разработке новейших технологий, управлении внешними сетями.

Новыми организационными формами, оказывающими влияние на конкуренцию, становятся предприятия с разной степенью виртуализации границ - системные интеграторы, временные проектные группы; предприятия, образующие цепочки (предприятия с переменной структурой). Этот процесс неоднозначен, т.к. одновременно с гибкой структурой на рынке востребованы компании с историей, сложившейся репутацией и именем, с подтвержденными компетенциями.

В качестве основных направлений современных модификаций компаний конкуренция вызвала к жизни: переход от узкой функциональной специализации к интеграции; отказ от строгой иерархии (децентрализация); сокращение числа крупных централизованных компаний и появление ряда мелких с гибкими специализированными формами труда, т.е. сетевые структуры; повышение роли инновационной деятельности; использование виртуальных взаимодействий с другими фирмами; создание виртуальных рынков покупки ресурсов и продажи своей продукции; создание автономных групп (команд); постоянное повышение творческой и производственной отдачи персонала (постоянное обучение и создание мотивации персонала к этому); нацеленность на увеличение добавленной стоимости и полное использование синергетических эффектов; полное использование преимуществ, даваемых глобализацией: компания может применять самые лучшие ресурсы, имеющиеся на мировом рынке - сырьевые, трудовые, интеллектуальные. Наиболее полно отвечают этим требованиям именно сетевые фирмы [1, 3, 33].

Таким образом, содержание конкуренции и конкурентоспособности переосмысливается, на что непосредственно оказывает влияние распространение новых форм ведения конкуренции и разнообразных бизнес-структур - сетевых, виртуальных, глобальных.

¹ B2B- business-to-business (бизнес для бизнеса).

В современной экономике параллельно сосуществует два сектора: традиционных отраслей и информационных отраслей, а значит имеет место и два вида конкуренции: конкуренция в сфере производства предметно-вещественных благ и конкуренция (квазиконкуренция) в сфере информационных благ и услуг (табл. 1).

Таблица 1- Различия между традиционной и информационной конкуренцией

Сравниваемые аспекты	Традиционная конкуренция	Конкуренция в сетевой экономике
Субъекты конкуренции	Фирмы	Сети, коалиции, альянсы
Структура отрасли	Олигополия фирм	Олигополия сетей
Источник конкуренции	Преимущества, основанные на компетенциях фирмы	Преимущества, основанные на инновациях, скорости адаптации к изменениям и компетенциях сети
Ценные ресурсы	Материальные, финансовые	Интеллектуальные (знания, технологии, информация, бренд, репутация)
Управление ресурсами	Иерархическая корпоративная структура	Децентрализованная, гибкая структура сетей
Источники прибыли	Рента стоимости, минимизация затрат	Рента цепочки добавленной стоимости сетей

В современном информационном мире изменяется отраслевая картина экономики: информационные сектора экономики уже не часть материального производства, а отдельный самостоятельный сектор; все меньше остается традиционных отраслей, появление новых технологий и распространение инноваций приводят к сокращению границ старых отраслей.

Традиционные предприятия на информационном рынке выступают в основном в качестве потребителей информационных продуктов, но, по мере своего активного вхождения в информационное пространство, будут вынуждены становиться и производителями информационной продукции, которая, к примеру, будет содержать информационные образцы выпускаемой ими продукции и некоторых

оборотных средств (сырье, материалы, комплектующие т.п.). Связь с традиционными отраслями остается, поскольку первоначальное изготовление тех же компьютеров, деталей к ним осуществляется именно в традиционных отраслях. Но эти новые отрасли образуют сектор высоких технологий, дополняющий уже известные подразделения материального производства.

Проведенное исследование позволяет предложить определение **конкуренции в информационной экономике (инконкуренция)**, которую мы рассматриваем как органическую взаимосвязь кооперации и соперничества за доступ к информационным ресурсам, наиболее современные информационные технологии, долю на данном рынке и получаемый доход. Она определяется внутренними, неосознаваемыми, не поддающимися конкурентному копированию, ресурсами, — уникальностью используемой информации, созданием сетевых организационных систем и эффективностью использования интеллектуально-творческого потенциала персонала.

Таким образом, глобализация процессов, изменение структуры экономики, рост открытости национальных хозяйств, информатизация и сетевой характер взаимоотношений, постепенная трансформация хозяйственных процессов сторону формирования экономики, основанной на информационной ресурсах, приводят к изменению содержания конкуренции.

Современная конкурентоспособность экономических субъектов определяется не способностью балансировать между затратами и выручкой, а стремлением к получению временного монопольного преимущества на рынке в результате постоянного отбора актуальных идей и решений, внедрения инноваций [26, с. 2].

Конкурентность новой экономики — тот фактор, который является необходимым условием ее нормального функционирования. Конкурентные преимущества основываются на развитии новых технологий и непрерывных продуктивных инновациях, на создании новых наукоемких производств (микроэлектроника, телекоммуникации и программное обеспечение) и обслуживающей их инфраструктуры [10, с. 141]. Преобладающим становится соперничество творческих способностей, а не готовых товаров и услуг. Фирмы, сумевшие овладеть плодами электронно-информационной революции и наладившие процесс управления знаниями, тем самым обеспечили себе доступ в новый технологический уклад, к качественно новому уровню экономической эффективности. Тот же, кто не успел выйти на новый уровень развития, обречен на все возрастающее отставание от лидеров экономики.

Литература

1. Алешин А.В. Анализ международного опыта совершенствования инновационного процесса и механизмы повышения инновационной производительности экономики // Инновации. — 2004. — № 10.

2. Вентцель М. Корпорация знания. Информационные технологии в бизнесе (Бизнес-класс). – СПб.: Питер, 2002.
3. Горлачева Е.Н. Стратегические альянсы как форма межфирменного взаимодействия // Машиностроитель. – 2008. – №7.
4. Ефремов В.С. Организации, бизнес-системы и стратегическое планирование // Менеджмент в России и за рубежом. – 2001. – №2.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Под ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.
6. Клейнер Г.Б. Микроэкономика знаний и конкурентоспособность предприятий // Современная конкуренция. – 2007. – № 3.
7. Климов С.М. Значение интеллектуальных ресурсов в постиндустриальной экономике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.elitarium.ru.
8. Койн К., Буарон Р., Фостер Р., Бхайд А. Как превзойти конкурентов // Вестник McKinsey. – 2002. – №1. <http://www.mckinsey.com/russianquarterly>.
9. Кононов Н. Метакапитализм – новая модель ведения бизнеса в постиндустриальной экономике // Промышленный маркетинг. – 2011. – № 1.
10. Костюк В.Н. Методология. Становление экономики, основанной на знаниях // Общественные науки и современность (ОНС). – 2001. – № 6.
11. Лисина М.И. Трансформация условий конкуренции в современной экономике. Экономическая глобализация // Проблемы современной экономики. – 2007. – № 4 (24).
12. Манюшис А.Ю., Смольянинов В.В., Тарасов В.Б. Виртуальное предприятие как эффективная форма организации внешнеэкономической деятельности компании // Проблемы теории и практики управления. – 2003. – №4.
13. Мильнер Б.З. Теория организаций. 4-е изд. – М.: ИНФРА-М, 2004.
14. Мирясов Ю.А. Тенденции формирования информационного сектора экономики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://firearticles.com/economika/>.
15. Нужна ли новой экономике новая концепция конкуренции? <http://infoteka.economicus.ru/>
16. Олейник А. Модель сетевого капитализма // Вопросы экономики. – 2003. – № 8.
17. Павлова Л. Кооперация конкурентов: новое слово ИКТ-бизнеса? <http://www.iksmedia.ru/>.
18. Портер М. Конкуренция: Уч. пос. М.: «Вильямс», 2000. 495 с.
19. Портер М. Что такое стратегия? – М.: Экономика, 1996.
20. Радаев В.В. Социология рынков: к формированию нового направления. – М., 2003.
21. Рейнгольд Е.А. Факторы экономики знаний в обеспечении конкурентоспособности предприятий // Проблемы современной экономики. 2008. № 3 (27).
22. Соколова Е. Конкуренция на инновационных рынках: особенности определения и анализа // Вопросы экономики. – 2012. – № 9.
23. Социально-экономические проблемы информационного общества / Под ред. Л.Г. Мельника. – Сумы: «Университетская книга», 2005.
24. Стерлигова А.Н. Теоретико-методологические основы уровневой интеграции деятельности компании в условиях сетевой конкуренции. – М.: МГОУ, 2008.
25. Сулимова А.К. Трансформация форм организации экономической деятельности. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2003.
26. Суханов П.С. Инновации и технологии как ключевые факторы развития ИКТ и рынка мобильных услуг // Научный журнал КубГАУ. 2013. № 86.
27. Товстых Л.Е. К анализу прогрессивных организационных моделей управления компаниями // Креативная экономика. – 2007. – № 12 (12). <http://www.creativeconomy.ru/articles/2301/>.
28. Фэлгуни С. Виртуальная корпорация. Информационные технологии в бизнесе / Под ред. М. Желены / Пер. с англ. – СПб: Питер, 2002.
29. Хакен Г. Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным системам. – М.: КомКнига, 2005.
30. Хакен Г. Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии: Пер. с нем. – Москва – Ижевск: ИКИ, 2003.
31. Хаммер М. От эффективности – к суперэффективности <http://www.executive.ru/publications>.
32. Хвалько А.А. Модель формирования и модификации рыночных структур в информационной экономике // Вестник СГСЭУ. – 2008. – № 3 (22).
33. Цымбал С., Кабицын А. Вызов времени: новые технологии управления // Инновации. – 2003. – №2-3.
34. Шуть О.Н. Информация как экономический ресурс: <http://www.cfin.ru> (дата обращения: 08.06.2011).
35. Экономика знаний / Под ред. В.П. Колесова. – М.: ИНФРА-М, 2008.
36. Янсен Ф. Инновационная эпоха. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 308 с.
37. Porter Michael E. What is Strategy? Harvard Business Review, November-December 1996.
38. Lenta.ru. 2012. 08.28.
39. Ostroff F. The Horizontal Organization. New York: Oxford University Press, 1999.
40. <http://en.wikipedia.org/wiki/Coopetition>, <http://mayet.som.yale.edu/coopetition/index2.html>

УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ В РОССИИ ЭКОНОМИКИ, ОСНОВАННОЙ НА ЗНАНИЯХ

Становление в России экономики, основанной на знаниях, объективно обусловлено процессами глобализации, что предполагает необходимость кардинального изменения отношения со стороны власти, бизнеса, всего общества к такому важнейшему стратегическому ресурсу как человек. Разработка системного подхода к решению этой проблемы должна основываться, по нашему мнению, на научно-обоснованной, детальной программе сбережения, поддержания, роста и развития национального человеческого капитала.

На сегодняшний день в стране отсутствует комплексная, стройная и эффективная идеология государства в отношении человеческого капитала, ее общие контуры пока лишь фрагментарно представлены в посланиях Президента РФ и основных документах социально-экономического развития РФ. Анализ отдельных программных документов по развитию человеческого капитала в РФ за период 2006-2011 гг. позволяет сделать вывод о том, что попытки государства повлиять на качественное развитие человеческого капитала не эффективны.

За годы реформ, даже в периоды относительной стабильности власти не решали, а накапливали проблемы в сфере человеческого капитала. До сих пор государство осуществляло социальные расходы не в виде инвестиций в долгосрочное развитие человеческого капитала, а как негибкие и не влияющие на экономическое положение человека выплаты. По мнению исследователей, так и не оправдали себя новая демографическая и миграционная политика, а эксперты ООН считают материнский капитал лишь «типичной формой единовременного бонуса» [1]. Аналитики отмечают, что стратегия социально-экономического развития страны до 2020 года без внесения радикальных изменений в части, связанной с развитием человеческого капитала, останется «политическим фантомом». Большинство стратегий РФ базируется на политике патернализма, рассматривающей человека как пассив, на который государство должно тратить деньги, а не вкладывать в будущее.

Это означает, что необходима переориентация политики в сторону «разработки механизма самовозрастания этого вида капитала» [2, с. 23].

Нами предлагается модель социально-экономического механизма развития национального человеческого капитала в условиях становления в России экономики, основанной на знаниях, на основе взаимодействия субъектов экономики, включающего совокупность целей, задач, принципов, уровней принятия решений, мер комплексного воздействия.

Основными целями этого механизма является считать системное социально-экономическое поддержание, обновление, наращивание, динамическое развитие человеческого капитала как необходимого условия эффективного формирования в РФ экономики, основанной на знаниях.

Основные задачи, по нашему мнению, следующие: изменение структуры экономики, ориентация хозяйства на современные наукоемкие, интеллектуально-интенсивные, высокотехнологичные отрасли с высокой долей дорогого человеческого капитала; переход от старой системы формирования человеческого капитала и управления его движением к новой стратегии: капитализация человеческих ресурсов, создающих массу финансовых и социальных выгод от эффективного их использования; создание социально-экономических условий физического существования человека: формирование достойной (комфортной, обустроенной) поселенческой среды, делающей ее привлекательной для жизни, быта и работы; согласование демографического, трудового, миграционного баланса в стране; повышение пространственной, квалификационной, учебной, интеллектуально-научной мобильности населения; обновление концепции всех уровней образования; поворот общества и государства в сторону культуры и культа образования, превращение образования не только в модный тренд, но и в настоятельную потребность постоянно учиться, обновлять свои знания, осваивать новые специальности; создание экономических механизмов, обеспечивающих соответствие подготовки и переобучения кадров требованиям современного производства; развитие личной и коллективной инициативы, «становление нового типа работника, способного к самоорганизации, саморазвитию и самодисциплине; изменение типа мышления у наиболее активных людей, способных стать субъектами постиндустриальной модернизации» [3, с. 120]; формирование механизмов поддержки и удержания наиболее талантливых, креативных, инновационно-ориентированных представителей человеческого капитала; разработка и внедрение механизмов инклюзивного развития за счет расширения круга субъектов-носителей человеческого капитала, исключенных из процесса социализации, а значит не имеющих возможностей реализовать и

пользоваться выгодами от своего человеческого потенциала; создание новой системы менеджмента (управления) человеческими ресурсами.

Мы предлагаем ряд базовых положений или *принципов (ценностных ориентиров)*, на основе которых следует формировать модель развития человеческого капитала России исходя из требований экономики, основанной на знаниях.

- **Первичность витальных ресурсов человека.** От развития человеческой энергии (здоровье, физические, умственные и защитные силы организма, репродукция), знаний (образование, опыт, навыки, таланты, компетенции), денежных ресурсов (доход, благосостояние, сбережения, инвестиции), свободного времени в целом зависит развитие человека. На наш взгляд, одним из интегративных показателей эффективности государственного воздействия на систему развития и воспроизводства человеческого капитала выступает коэффициент витальности страны, который вводится для признания человеческой жизни высшим мерилом государственно-управленческой успешности [4, с. 39]. Для России необходимо вывести этот коэффициент из отрицательных значений в сторону положительной динамики.

- **Неделимость свойств и качеств личности.** Человеческий капитал целостен (единство физических и духовных свойств), поэтому фрагментарное, одностороннее рассмотрение его развития недопустимо.

- **Равноправность качеств, свойств, факторов, формирующих и развивающих человеческий капитал индивида.** Поскольку человеческая личность целостна, каждое из качеств человеческого капитала способно в той или иной степени влиять на другие, дополнять их, и значит, не может быть «первостепенных» и «второстепенных» качеств [5, с. 2].

- **Динамичность и изменчивость человеческого капитала.** Человеческий капитал подвержен изменению не только за счет существующих свойств, факторов, элементов, но и за счет добавления новых. Как нами было доказано в результате исследования, человеческий капитал не является статичным фактором. Традиционно в научных трудах рассматривается его положительная динамика: накопление, возрастание (самовозрастание), воспроизводство, но отрицательной динамике практически не уделяется внимания. По мнению А.Ф. Лыскова, отрицательная динамика величины человеческого капитала может оказывать влияние на индивида, производственный процесс, экономику в целом [5, с. 2-3].

- **Саморегуляция.** Динамический характер человеческого капитала следует рассматривать через: самообновляемость, саморазвитие, саморегулируемость. Это означает, что человек самостоятельно производит «инвентаризацию» своего человеческого капитала. Мы можем это характеризовать как самоменеджмент –

управление собственным человеческим капиталом.

- **Системообразование и самодостаточность человеческих ресурсов.** Человеческий капитал обладает системообразующим качеством: человек сам создает многие необходимые ресурсы, применяет их с точки зрения рациональности, и воспроизводит их, от него зависит эффективность использования всех остальных ресурсов. Для производства некоторых благ иногда не нужны никакие другие ресурсы и факторы кроме самого человека, его способностей, интеллекта, опыта.

- **Усложнение человеческого капитала.** Создание, накопление человеческого капитала предполагает приращение, обогащение и совершенствование его элементов в процессе трудовой и других видах деятельности. Таким образом, экономический смысл развития человеческого капитала состоит в его полноценном развитии, всестороннем совершенствовании, увеличении объема и повышении качественных характеристик.

- **Мультипликативность человеческого капитала** выражается в создании не только индивидуальных выгод от своего развития, но и общественных выгод и положительных эффектов.

- **Непрерывность, целенаправленность и эффективность инвестиций в человека.** Развитие и накопление человеческого капитала – это динамичный инвестиционный процесс, который включает ряд последовательных фаз: аккумуляция свободных денежных средств у потенциального «инвестора» (семья, индивид, работодатель, государство, фирма); определение «инвестором» конкретных эффективных направлений вложения средств и обеспечение соответствующих институциональных условий. Этим предопределяется комплексность и регулярность процесса инвестирования в человеческий капитал с его ориентацией на конечные результаты. Необходимо учитывать и дальнейший процесс, каким образом эти капиталовложения «заработают», ведь накапливаться должны не инвестиционные расходы, а знания, способности, опыт, составляющие человеческий капитал.

- **Согласование или взаимоподчинение интересов и мотиваций различных субъектов** в экономике, основанной на знаниях (отдельного человека, социума, государства, бизнеса). По своему социальному составу человеческий капитал неоднороден, и чем он сложнее, тем больше возникает мотивационных установок в его повседневной и производственной жизни. Поэтому так важен механизм «увязки» сложных, противоречивых разнонаправленных интересов и отношений между субъектами (работником и работодателем, государством и работником, государством и гражданином, частным бизнесом и обществом и т.д.). Целенаправленное и систематическое воздействие на мотивационную структуру данных субъектов выступает, на наш взгляд, необходимым условием развития человеческого капитала.

- **Социальная ответственность со стороны государства** за

качественную сторону и итоги развития человеческого капитала. Теория развития человеческого капитала – ведущая экономическая теория настоящего времени, объединяющая проблемы человека на мировом, страновом, региональном, муниципальном макроуровнях, микроуровне (организация, фирма) и миннуровне (человек, домохозяйство). Когда подобная связь существует, то имеется возможность для обеспечения продвижения к экономике нематериальных ресурсов. Но если каждый из этих элементов будет рассматриваться отдельно и не будет связи между ними, тогда будет упущена возможность эффективного развития страны в направлении новой экономики. Задачей государства является организация связи между этими элементами [6, с. 131]. Предложенная нами модель социально-экономического механизма развития человеческого капитала предполагает ее реализацию на различных уровнях (макро, мезо, микро, минн), каждый из которых включает конкретные меры и зоны принятия решений.

Макроуровень. Российская экономика настоятельно требует быстрого изменения качества (структуры) человеческого капитала и определение форм участия государства в процессах его развития и воспроизводства. На наш взгляд, функции государства в этой сфере должны сводиться к следующему:

- разработка целостной, системной, работающей социальной политики в сфере развития и воспроизводства человеческого капитала на всех уровнях;
- привлечение в сферу воспроизводства человеческого капитала частных (негосударственных) инвестиций и создание им благоприятных условий;
- использование институтов социального партнерства в сфере воспроизводства человеческого капитала;
- создание эффективных механизмов финансирования развития и воспроизводства человеческого капитала.

В связи со значительной ролью государства во всех сферах жизни общества важно учитывать как прямое, так и косвенное воздействие государственной политики на формирование условий для развития индивидуального, внутрифирменного и национального человеческого капитала. Причем в этой сфере существенно воздействие государства не только непосредственно через проводимую им экономическую политику, но и через создание в обществе атмосферы, способствующей или препятствующей творчеству, создающей стимулы к самосовершенствованию или атмосферу «застоя», эмоциональной апатии [7, с. 9].

Продвижение к экономике знаний с ее сверхвысокими требованиями к человеку требует от России *принципиально иной государственной социальной политики*, включающей, по нашему мнению, ряд принципиальных шагов:

- Учитывая потери части национального человеческого капитала и его сегодняшнее состояние, государству и гражданскому обществу нужны новые сферы деятельности – социальное проектирование и социальная инноватика.

- Расширение и обновление социальных функций государства по обеспечению развития и воспроизводства человеческого капитала.

- Расширение популяции и сбережение населения (демографический аспект), включающее в себя: обеспечение населения качественными, современными и доступными медицинскими услугами; пропаганду здорового образа жизни – формирование принципиально иного, более ответственного отношения к своему здоровью, позволяющего человеку повысить контроль за своим здоровьем, а также улучшить его [8, с. 121]; кардинальное изменение отношения к деторождению и семье: перераспределение общественного богатства в пользу детства; продление активной жизни человека (live technologies).

- Переход к концепции инклюзивного развития и адаптации ее к условиям России. Мы склонны считать, что Россия должна опираться на концепцию включенного, а не исключительного (эксклюзивного) развития человеческого капитала. Приоритетами политики, направленной на сокращение бедности, в том числе экстремальной, по нашему мнению, являются: обеспечение высоких социально-экономических стандартов жизни человека; адресные программы по снижению бедности; создание условий для самостоятельного выхода из бедности; пересмотр политики формирования доходов: защита доходов населения – заработной платы, пенсий, пособий, стипендий за счет повышения размеров основных социальных гарантий, установленных российским законодательством, прежде всего направленных на поддержку детей, матерей, семей, студенчества, пенсионеров, а также выравнивание МРОТ и прожиточного минимума; активизация механизмов социального партнерства, расширение схем участия работников в прибыли предприятия; проведение политики «зарплатного паритета» (или равновесия между работниками бюджетной и небюджетной сферы, сближение среднего размера оплаты их труда); переход от плоской к прогрессивной шкале налогов на заработную плату; введение налогов на покупку престижной, эксклюзивной недвижимости и дорогих транспортных средств.

Не менее важна активная политика на рынке труда, государственная поддержка эффективной занятости через комплекс следующих мер: разработка и внедрение гибких и эффективных форм занятости; ограничение низкоквалифицированной трудовой миграции из регионов с архаичными культурными укладами; создание резерва труда; поощрение практик стажировки; политика толерантности к неформальному сектору экономики; адаптация незанятых; выявление

скрытых резервов увеличения трудоспособного населения.

Сохраняет актуальность поддержка и наращивание среднего класса российского общества. Успех экономики знаний в России, на наш взгляд, будет зависеть от становления культуры труда и хозяйства, основанной на этике повседневного трудолюбия, профессионального долга, самореализации личности в профессии и в обществе. Носителем этой культуры традиционно является средний класс, который в России неоднороден, размыт, увеличивается, но не стал массовым, а ведь именно он должен являться опорой всех инновационных, когнитивных, социальных и модернизационных реформ страны. Государство должно создать оптимальную среду для развития креативного среднего класса, от которого зависит будущее страны, приоритетное развитие тех сфер человеческой деятельности (отраслей креатосферы), в которых могло бы осуществляться преимущественное развитие человеческого капитала: фундаментальной и прикладной науки, производства новых знаний, развития высоких технологий; воспитания и образования; формирования здорового образа жизни на основе развития общедоступных физкультуры и спорта, подкрепленных эффективной системой здравоохранения, культуры, искусства, самообразования, творческого общения и т.п. [9] Соответственно в России уже сегодня необходимо вносить коррективы в социальную политику, которая должна создать оптимальную среду для развития среднего класса.

Образование является одним из важнейших конкурентных преимуществ России в глобальном пространстве. Императивом движения к высоконтеллектуальной экономике в данном направлении, на наш взгляд, должно стать – самооценочность образования и непрерывного обучения, селекция принципиально нового знания, актуализация высокого образовательного ценза. Приоритетными направлениями для России являются: обучение в течение всей активной жизни человека; более открытое, доступное, в т.ч. инклюзивное образование; введение «кредита времени» на образование, который обеспечит равный доступ к высшему образованию представителей разных слоев населения; принятие концепции «университет как гражданский форум» (открытое обсуждение проблем, конкурентные идеи, нестандартное мышление); создание гибких университетских сетей, с ориентацией на новые тематические направления в разных областях знаний (отход от кампусной системы образования в пользу виртуального); развитие неформального образования (аудивизуальное, дистанционное, тренинги, онлайн-семинары, практикумы и пр.); расширение круга субъектов, получающих выгоды от знаний (мультипликация положительных эффектов); отказ от транслирующего обучения, оптимизация моделей передачи знаний, институтов, их генерации, способных не давать «готовый набор» знаний, а научить учиться (только так можно получить в итоге «сложный интеллект»);

поощрение и создание условий для экспорта образовательных услуг; обеспечение своевременной подготовки и переподготовки педагогов, способных применять в обучении передовые образовательные новации.

Развитие системы интеллектуальных ресурсов должно сочетаться с умелым использованием интеллектуального потенциала России для формирования экономики знаний. От 2,5 до 4 млн. россиян составляют активную движущую силу общества [10, с. 14]. Это – ученые, высококвалифицированные специалисты, профессионалы, интеллектуальная элита, т.е. те, кто легко может быть «куплен» на западном рынке за 100 тыс. долл. в год и больше (отдача – не менее 340 тыс. долл. в год) [11].

Большое внимание следует уделить мониторингу интеллектуальных ресурсов, сокращению разрыва поколений научных кадров (их сохранение, омоложение, воспроизводство), научной лицензионной деятельности (патенты, ноу-хау во всех секторах экономики). К сожалению, наше «невидимое богатство» – интеллектуальная собственность не имеет точных методов оценки (в России отсутствует единая биржевая система оценки интеллектуального богатства). В мире ежегодно на 12-14% растет число патентов, а у нас за последние десять лет их число упало на 50% [12].

В данном направлении действенными могут быть меры по усилению значимости наиболее развитой части человеческого капитала – субъектов интеллектуальной деятельности: повышение престижности научно-исследовательского труда и социального статуса ученого (формирование «культы» науки); резкое повышение материального обеспечения работников «сектора знаний», создание стимулов для притока в науку способных, талантливых молодых людей, мотивированных заниматься наукой; всемерное укрепление, сохранение, обеспечение преемственности и лидерства в научных коллективах и школах; стимулирование развития научно-педагогических школ, обеспечивающих высококачественное студенческое образования и бизнес-образования; создание бережного отношения к работникам интеллектуального труда как реальным и потенциальным носителям высокоорганизованного человеческого капитала; формирование актуальных профилей компетентных специалистов, способствующих удовлетворению спроса на основной фактор экономики знаний – интеллект человеческого капитала; создание эффективной государственной просветительской системы, направленной на пропаганду знаний, авторитета профессионалов высокой квалификации, роста значимости постоянного образования; популяризация теории экономики знаний как нового направления экономической науки.

Общемировые тенденции и процессы глобализации, качественные и количественные характеристики человеческих ресурсов России, заставят общество уже в ближайшем будущем усиленно искать

ресурсы развития. Повышенные требования будут предъявлены к современной молодежи 18-25-лет. Молодежь станет основным трудовым ресурсом страны, а ее трудовая деятельность, станет источником средств для социального обеспечения детей, инвалидов и пожилых поколений. Новые условия потребуют от каждого молодого человека мобильности, диверсификации способностей, поиска новых нестандартных индивидуальных вариантов построения своей жизни [13]. В данном аспекте государство должно реализовать три приоритета: информирование молодежи о ее потенциальных возможностях развития и вовлечение в социальную практику; развитие инновационной активности молодежи; интеграция в общество молодых людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации [14, с. 12].

Эффективными средствами обеспечения активности, по нашему убеждению, могут стать механизмы грантовой поддержки инициатив и самоорганизации молодежи.

Мезоуровень. В условиях децентрализации экономической, политической и социальной жизни, важное значение приобретает формирование и развитие человеческого капитала на региональном уровне. Методологической основой для решения региональных проблем, по нашему убеждению, должна стать теория человеческого капитала, которая позволяет учесть реальные сдвиги в национальной экономике, изменения на мезоуровне, связанные со спецификой отраслевой структуры, составом трудовых ресурсов, прогрессом технологий, демографическими сдвигами, за счет смещения «приоритетов экономической политики к созданию качественно нового человеческого капитала» [15, с. 147-148].

Приоритетными, на наш взгляд, должны стать меры в рамках региональных программ развития, включающие: мониторинг базовых качественных и количественных индексов человеческого капитала с целью выявления негативных тенденций и определения их причин; диагностика состояния человеческого капитала региона; формирование на основании результатов диагностики адаптированной и системной научной концепции социально-экономического развития региона, которая позволит определить направления государственного воздействия на региональном уровне; создание институтов регионального развития, которые будут способствовать аккумуляции и удержанию высокообразованного человеческого капитала территорий РФ. Исследователи рассматривают институт регионального развития как устойчивую норму взаимодействия экономических агентов, результатом применения которой является изменение состояния системы отдельного региона [16, с. 7].

Важной проблемой для регионов и муниципальных образований России следует считать не только формирование, но и удержание человеческого капитала: его отток угрожает национальной безопасности

страны, а меры по его удержанию должны включать инвестиции в рост привлекательности российских городов и развитие городской инфраструктуры [17, с. 24-25].

В этом направлении необходимо активизировать поиск и апробацию альтернативных моделей урбанизации с акцентом на притяжение человеческих ресурсов (например, программа «Город будущего»). Основное внимание следует уделить новой философии освоения пространства, в которой могут быть соединены перспективы альтернативной энергетики и альтернативной урбанизации. Так, технологии малой атомной энергетики и переработки отходов уже сегодня делают возможным создание небольших городов на «автономном питании». Технологии связи облегчают удаленную занятость, строительные технологии качественно удешевляют инфраструктуру малой гражданской авиации, скоростных железных дорог, речных транспортных артерий, что в совокупности способно сделать «трудное» и разбросанное российское пространство более компактным и связанным [18].

Мы убеждены, что сегодня одной из эффективных мер воздействия на качество регионального человеческого капитала является укрепление бюджетов городов и поселений (особенно это актуально для малых и средних городов): часть создаваемых в городах ресурсов должна быть законодательно защищена от изъятия в вышестоящие бюджеты и направляться на развитие социальной инфраструктуры, бытовую обустроенность, экологию.

На микроуровне важнейшими зонами принятия решений в сфере развития человеческого капитала, на наш взгляд, могут быть:

- *Качественный менеджмент человеческого капитала.* Со стороны частного бизнеса (работодателя) усилия направляются на создание условий для наиболее полной реализации накапливаемых знаний, способностей, нарастающих мотиваций работников [19, с. 55]; осуществление систематического и целенаправленного расходования средств на образовательные услуги (повышение квалификации, до подготовка), рекреационную сферу, социальные расходы, способствующие накоплению человеческого капитала; создание условий для стимулирования и реализации интересов работников; обеспечение достойного вознаграждения «носителям» человеческого капитала за высокую отдачу, вклад в прирост добавленной стоимости. Качество человеческого капитала организации проявляется в создании актуальных (конкурентоспособных) продуктов с разной коммерческой ценностью, значительная часть которых зафиксирована в невещественных активах фирмы. Бизнес может внести существенный вклад в создание внутрифирменного человеческого капитала, осуществляя инвестиции не только и не столько в «железо», а преимущественно в компетенции,

навыки, знания и опыт своих сотрудников. Американский профессор М. Ле Беф сформировал основополагающий принцип менеджмента человеческих ресурсов: «делается то, что вознаграждается». Большинство работников в РФ пока вознаграждаются предпринимателями за достижение сиюминутных целей или получение максимальной прибыли. Стратегии эффективного менеджмента позволяют определить, как вознаграждать, чтобы использовать человеческие ресурсы наилучшим образом, как перераспределять дополнительный доход, созданный благодаря использованию человеческого капитала, как наемные работники будут участвовать в этом.

- *Удержание креативных работников и поощрение саморазвития.* Экономика знаний требует постоянных новаций, изменений, модификаций, развития, а носителем динамического потенциала является только творческая, свободная, саморазвивающаяся личность. Креативный и талантливый человек индивидуален и сам может определить, какой способ развития для него является наиболее эффективным. Поэтому менеджеры и работодатели должны создавать дополнительные стимулы и условия для саморазвития, оставляя при этом сотруднику возможность самостоятельно определять, как конкретно он будет это делать. Среди наиболее действенных механизмов создания условий для саморазвития можно назвать систему «интеллектуальных фабрик», коучинг в малых группах, ротация рабочих мест, доступ к мировым ресурсам знаний, в частности образовательным базам и архивам Интернета, доступ к внутрифирменной базе информации, корпоративной библиотеке, возможность участия в международных конференциях, стажировках, профессиональных обменах.

- *Вклад бизнеса в поддержание и развитие человеческого капитала.* Частный бизнес может способствовать развитию человеческого потенциала, предоставляя более широкие возможности для реализации способностей людей с разным уровнем человеческого капитала [20]. На наш взгляд, это могут быть: инклюзивные бизнес-модели, создание сетей магазинов с доступными ценами, расширение резерва рабочих мест, система микрокредитования, доступ к актуальной информации, адаптация товаров и услуг через мобильный банкинг (m-banking), выпуск смарт-карт, телемедицина, а также курсы обучения и тренинги. В этом аспекте целесообразно использовать схемы софинансирования с организациями, заинтересованными в социальной сфере, включая правительство, меценатов, некоммерческие социальные инвестиционные фонды.

Миниуровень. Выше мы предложили комплекс мер внешнего воздействия на развитие человека в знаниевой экономике. Однако все попытки создать экономику знаний будут тщетными без усилий самого человека. Новая экономика требует качественно новой рабочей силы,

имеющей иные трудовые установки, высокий интеллектуальный и образовательно-профессиональный потенциал, характеризующийся особыми нравственными принципами, профессиональными стимулами и ориентациями [21, с. 34-35].

Формирование самомотивации и самоактуализации является неотъемлемым компонентом человеческого капитала. Носитель человеческого капитала должен самостоятельно осуществлять инвестиции в себя, повышать квалификацию, непрерывно пополнять знания, формировать персональные ментальные модели обработки информации и принятия решений, «создавать личные интеллектуальные продукты» [19, с. 55], проявлять инициативу, творческую активность, совершенствовать свои способности к труду, наиболее полно реализовывать свой профессиональный потенциал в процессе труда, разделять и развивать культуру и этику труда и т.д.

Мы обосновали, что усилия по развитию человеческого капитала в России должны осуществляться на разных уровнях. Однако все процессы в этом направлении должны быть консолидированы, поэтому важнейшим шагом должно стать *взаимодействие государства, частного сектора и общества.*

В современной экономике существует понятие «социального кругооборота качества»: качество человека – качество труда – качество производства – качество технологий – качество образования – качество культуры и качество науки – качество управления – качество социальных и экономических систем – качество жизни – качество человека [22, с. 27-28].

В этом кругообороте участвуют разные агенты: государство в роли стратега, определяющего приоритеты и направления развития; сектор бизнеса, принимающего на себя значительную часть функций, связанных с развитием своих работников [23, с. 69]; гражданское общество со своими институтами социализации; сам индивид, который моделирует свой индивидуальный человеческий капитал.

Таким образом, развитие человеческого капитала осуществляется в результате комплексного взаимодействия государства, населения и бизнеса. Однако ведущая роль в этом процессе, заключающаяся в создании рамочных условий развития человеческого капитала, практически во всех странах принадлежит государству. Необходимость этого обуславливается несколькими объективными причинами: высокая общественная отдача накопленного человеческого капитала; основные элементы человеческого капитала формируются в областях провалов рынка; ролевой статус государства связан с функцией социального гаранта и стабильности в обществе [24].

Эффективность экономического развития становится производной от эффективности развития личности, эффективности институтов гражданского общества и государственной системы. Общий

подход к концепции развития человеческого капитала России должен базироваться, по нашему мнению, на таких важных моментах: рост человеческого капитала в стране должен быть целью и программой действий правительства; необходимо применение современных методов изучения реального состояния человеческого потенциала, комплексный и постоянный мониторинг состояния человеческого капитала, учитывая изменяющиеся требования экономики знаний; рассмотрение человеческого потенциала как неистрачиваемого богатства России, передаваемого новым поколениям; четкое, недвусмысленное направление ресурсов на развитие человеческого потенциала и создание условий для его проявлений в настоящем и будущем; конструирование положительного образа России, в том числе путем демонстрации отношения к национальному человеческому капиталу.

Человеческий капитал и человеческое развитие должны рассматриваться не только как факторы развития, но и как цели этого развития. В экономике, основанной на знаниях, первенство будет за теми странами, которые используют человеческий капитал, как такой фактор развития, который дает новые качественные возможности и социально-экономические выгоды не только самому себе, но и всему обществу и государству.

Литература

1. Хомченко Ю. Россия на изживении: Демографический кризис придет на смену экономическому // <http://www.vremya.ru>
2. Михнева С.Г. Человеческий потенциал в «обществе знаний» // *Инновации*. 2003. № 1. С. 16-18.
3. Ващенко Н.П., Мунтян М.А., Урсул А.Д. Постиндустриальное общество и устойчивое развитие. М.: изд-во МГУК, 2000. С. 234.
4. Государственная политика вывода России из демографического кризиса / Под общ. ред. С.С. Сулак-шина. М.: Экономика, 2007. 887 с.
5. Лысков А.Ф. Человеческий капитал: понятие и взаимосвязь с другими категориями // *Менеджмент в России и за рубежом*. 2004. № 6. С. 2-4.
6. Герендаши П. Человеческий капитал как конкурентное преимущество России на международных рынках // *Материалы международной конференции «Социально-экономическое развитие России: новые рубежи»*. М., 2008. С. 129-131.
7. Плискевич Н.М. Динамика человеческого капитала в трансформирующемся обществе – II. М.: ИЭ РАН, 2007. С. 125-147.
8. Аарва П. Профилактические программы. Руководство по планированию, реализации и оценке. М.: 2000. 140 с.
9. Бузгалин А.В. Шансы России стать постиндустриальной державой // *Россия и мир в XXI веке: Материалы научного семинара*. М.: Научный эксперт, 2010. № 4. С. 8-30.
10. Бокова К.В. Интеллектуальный потенциал и экономический рост России // *Молодежь в образовании, науке, бизнесе и власти: материалы XIV Всерос. экон. форума науч.-исслед. работ молодых ученых и студентов «Конкурентоспособность территорий» с междунар. участием в рамках II Евразийского экономического форума молодежи «ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – ПУТЬ НА СЕВЕР»* (Екатеринбург, 28-30 апреля 2011 г.): в 11 ч. / [отв. за вып. М. В. Фёдоров, Э. В. Пешина]. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2011. Часть 9. С. 12-15.
11. Российская библиотека интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rbis.ru/article.php/>
12. Николаев М.Е. Человеческий капитал и инновационная экономика // *Россия и современный мир*. 2008. № 2. С. 57-59.
13. Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2016 года: распоряжение Правительства РФ от 18.12.2006. № 1760-р.
14. Безлепкина Н. С. Голошумова Г.С. Молодежная политика как инструмент развития России // *Молодежь в образовании, науке, бизнесе и власти: материалы XIV Всерос. экон. форума науч.-исслед. работ молодых ученых и студентов «Конкурентоспособность территорий» с междунар. участием в рамках II Евразийского экономического форума молодежи «ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – ПУТЬ НА СЕВЕР»* (Екатеринбург, 28-30 апреля 2011 г.): в 11 ч. / [отв. за вып. М. В. Фёдоров, Э. В. Пешина]. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2011. – Часть 9. С. 9-12.
15. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2011: Стат. сб. М.: Росстат, 2011.
16. Попов Е.В., Власов М.В., Симахина М.О. Экономика знаний: институты регионального развития. // *Журнал экономической теории*. 2009. № 3. С. 5-13.
17. Разумов В.И., Рыженко Л.И. Баланс и специфика функций города и села в общественном воспроизводстве. // *Вестник Омского университета*. 2009. № 4. С. 209-214.
18. Пономарев И., Ремизов М., Карев Р., Бакулев К. Модернизация России как построение нового государства: Независимый экспертный доклад // <http://www.polit.ru/dossie/2009/10/29/mrkpng.html>
19. Дайнеко В.Г. Рост интеллектуального капитала при переходе к экономике, основанной на знаниях: политико-экономический аспект // *Журнал экономической теории*. 2011. № 4. С. 45-58.
20. Преимущества для всех. Стратегии ведения бизнеса с привлечением бедного населения: «Программа развития ПРООН». М.: 2008.
21. Римашевская Н.М. Качественный потенциал населения России. М.: Наука, 2005. 187 с.
22. Субетто А.И. Качество жизни, синтетическая революция в механизмах цивилизованного развития и качественная экономика // *Стандарты и качество*. 1994. № 4. С. 50-52.
23. Соболева И. Социальная политика как фактор устойчивого развития

// Экономист. 2003. № 3. С. 67- 73.

24. Хадидуллина Ю.В. Воздействие государства на воспроизводство человеческого капитала в инновационной экономике // Евразийский международный научно-аналитический журнал. 2010. № 3(19).